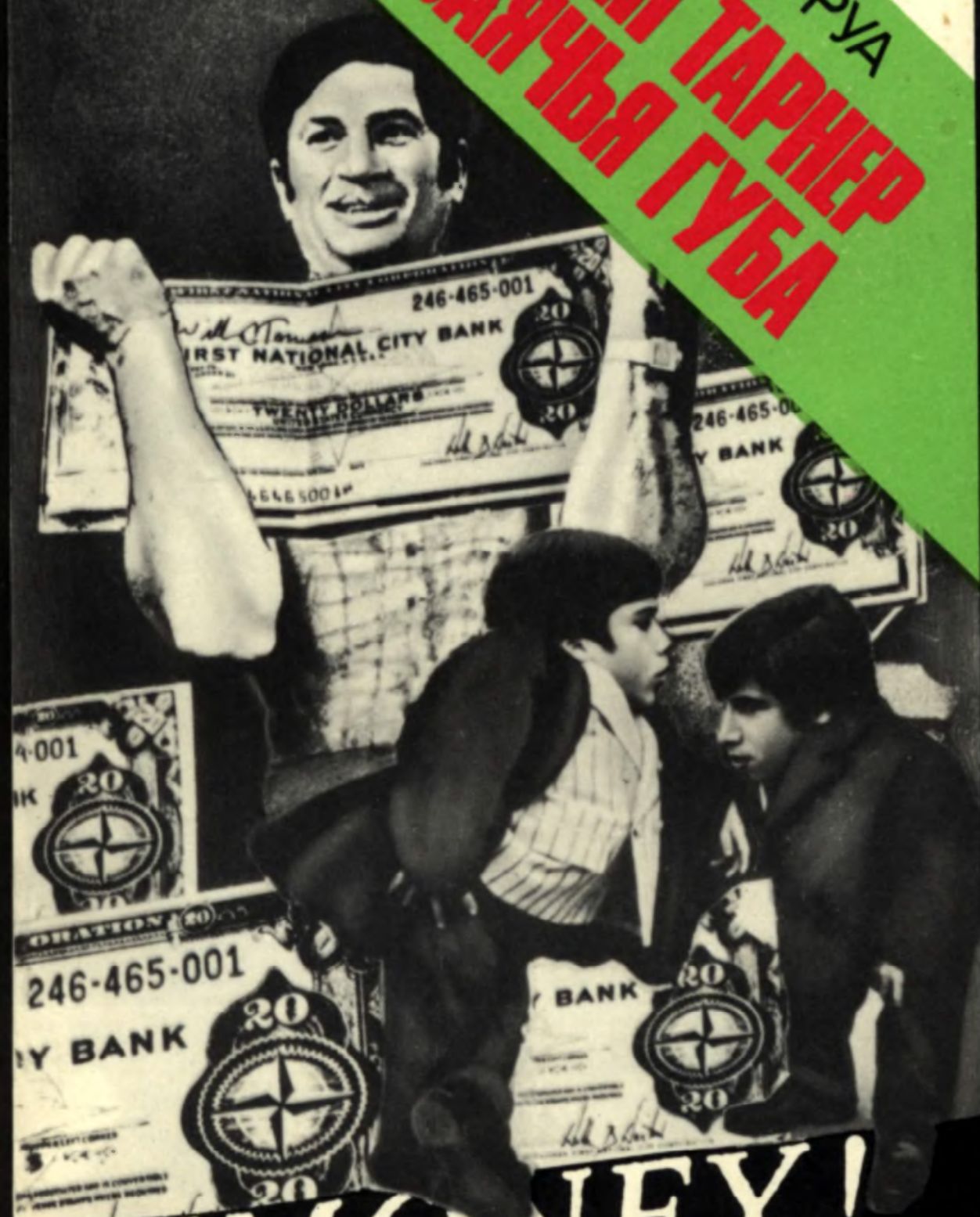

Владыки капиталистического мира

М. СТУРГА

**ГЛЕНН ТАРНЕР
ЗАЯЧЬЯ ГУБА**

**IMMONEY!
IMMONEY**

Владыки
капиталистического
мира

ГЛЕНН ТАРНЕР ЗАЯЧЬЯ ГУБА

М.СТУРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1976

Стура М. Г.

С88 **Гленн Тарнер Заячья Губа.** **М., Политиз-**
дат, 1976.

62 с. (Владыки капиталист. мира).

В брошюре дан публицистический портрет Гленна Тарнера — одного из представителей «нового поколения» американских мультимиллионеров. Автор — видный советский журналист-международник — раскрывает грандиозное шарлатанство, построенное на эксплуатации страсти американцев к быстрому обогащению, рассказывает о том, как отпрыск издольщика из Южной Каролины взобрался на Олимп американского бизнеса. Путь его отмечен многочисленными человеческими трагедиями и жертвами

Памфлет рассчитан на самые широкие круги читателей.

С $\frac{11105-270}{079(02)-76}$ 186—76

33И

© ПОЛИТИЗДАТ, 1976 г.

Явление Тарнера народу

Гленн Тарнер ворочает миллионами, как гирями, а гирями — как пятицентовой мелочью. Он намертво врос обеими ногами в землю Америки и в то же время непрерывно кружит над ней, словно коршун. Кружит в прямом и в переносном смысле. Спидометры его личных самолетов, реактивных разумеется, накручивают ежегодно в среднем один миллион километров.

Он кружит над Америкой — от океана до океана, — словно коршун, но нисходит на ее грешную землю, закованную в бетон аэродромов, как Христос-спаситель, и серебряный доллар, отчеканенный на монетном дворе Вашингтонского казначейства, сияет нимбом над его головой, над его черными, как смоль, жесткими, как проценты, и густыми, как индексы Доу-Джонса *, волосами.

Его ждет распятие, как и Христа-спасителя. И не какой-нибудь посыпанный пеплом античности Понтий Пилат, умывающий к тому же свои библейские руки, а генеральные прокуроры почти всех американских штатов (а если хотите точную цифру — сорока пяти) жаждут привлечь его к уголовной ответственности за все мыслимые и немыслимые преступления, связанные с презренным металлом.

И не только генеральные прокуроры почти всех штатов Америки, но и почти все члены почти всех комиссий сената и палаты представителей жаждут его крови. Я уже не говорю о министерстве юстиции, о налоговом бюро, о комитете по ценным бумагам и бирже, о федеральной торговой палате, о национальном совете хорошего бизнеса (ведь плохой бизнес — это не бизнес); к губам которых давно прикипели гвозди, предназначенные для ладоней Гленна Тарнера. Но пока что через эти ладони проходят не гвозди, а доллары, миллионы долларов, десятки и сотни миллионов. И пустует Голгофа, скучает и гниет на

* Показателя котировки акций на нью-йоркской фондовой бирже.

корню крест, тщетно поджидающий одного из величайших лжепророков Америки...

Однажды мне довелось быть свидетелем очередного явления Тарнера народу. Дело происходило не в Палестине, а в Чикаго, не в пустыне, а в кишасщем людьми аэропорту столицы американских гангстеров и полицейских. Тарнер прибыл в собственном реактивном лайнере, хвост которого был украшен его гигантским — в пять метров — портретом. Подпись под портретом гласила: «The unstoppable Glenn Turner» («Неудержимый Гленн Тарнер»). Руки «неудержимого» были скрещены на груди, взор его устремлен в небо.

Затихли мощные моторы, и к самолету подкатили трап. Еще через несколько мгновений чрево лайнера разверзлось, мелькнула голубая — размером в фиговый лист — мини-юбка стюардессы, и в эллипсоиде выхода появилась фигура в красном. Фигура вскинула руки, растопырив указательный и средний пальцы знаком победы — V, и начала торжественный спуск.

По обе стороны фигуры, с трудом одолевая высокие ступени трапа, скатывались два карлика, тоже в красном. А внизу у трапа бесновалась толпа, разодетая, как новоорлеанские джазисты начала века. Вот только полосатые сорочки встречавших были почему-то повязаны галстуками из меха норки. (Впоследствии я узнал почему.)

Джентльмены в норковых галстуках приехали на аэродром в роскошных «кадиллаках» и «линкольнах» с сиденьями, обитыми, как вы, наверное, уже успели догадаться, норковым мехом, и с капотами, раскраска которых играючи затмевала самые исступленные фантасматории полотен художника Марка Шагала. На бамперах «кадиллаков» и «линкольнов» были укреплены плакаты, провозглашавшие: «Я знаю, как сделать вас богатыми, если у вас хватит смелости спросить меня об этом». Повидимому, слова эти были взяты из евангелия от Тарнера.

Судя по толпе, ожидавшей его пришествия, вернее, по нетерпению этого ожидания, смелости тарнеровской пастве было не занимать. Во весь рот — от ушей до ушей, как у человека, который смеялся в романе Гюго, — встречавшие орали нечто нечленораздельное: «ММММООО-

ННЕУ!» С великим трудом я разобрал, что означал этот рев. Предельно напрягая голосовые связки и бычьи шеи, кокетливо повязанные норковыми галстуками, люди кричали: «Мопеу!», то есть «деньги».

Протанцевав каскад, скрещенный с чечеткой, Гленн Тарнер пересчитал наконец все лесенки трапа и ступил на землю. Толпа тут же окружила его. Он пожимал тянувшиеся к нему руки, одних хлопал по плечу, другим ерошил волосы и, конечно, раздавал автографы. Элементарно? Ординарно? Пожалуй. Вот только автографы ставились им на стодолларовых ассигнациях, которые он небрежно извлекал из бумажника гомерических размеров, украшенного золотыми вензелями «Г. Т.».

Счастливые обладатели автографов сначала цепене-ли, словно ужаленные мухой цеце, а затем ударялись в ритуальную пляску святого Витта, неестественно выгибаясь, как в последней стадии столбняка. Какая-то женщина рыдала и билась в истерике. Какой-то мужчина клялся никогда не разменивать свой сувенир. Надо было впиться ногтями в ладони, чтобы побороть сладостное искушение и не протянуть руку за зелененькими автографами, прострачивавшими, как пулеметная очередь, овальный портрет американского президента.

Хотя пророк и был лживым, но ассигнации, которые он раздавал, хрустели подлинным хрустом. И посему хруст этот был неотразимым.

— Человек, раздающий прямо на улице стодолларовые купюры, имеет право на всенародную любовь! — вещал «пророк».

— Мы любим тебя! Мы пойдем за тобой! — неслось в ответ.

Лишь в здании аэропорта мне удалось пробиться сквозь плотину обращенных и песчинки неверующих к «пророку» и рассмотреть его вплотную. Он был несколько выше среднего роста. Пиджак цвета спелого граната обтягивал плечи штангиста. Дымчатые очки сидели на боксерском носу. Башмаки благородного оттенка слоновой кости напоминали небритые щеки китайского мандарина. (Несколько позже я вычитал из светской хроники чикагских вечерних газет, что обувь Тарнера была сработана «из кожи еще не родившегося теленка ворсом наружу».) В лацкане гранатового пиджака горел амери-

канский звездно-полосатый флаг, щедро усеянный крупными бриллиантами и рубинами.

У «пророка» была заячья губа, по-видимому слегка подправленная не вполне успешной пластической операцией. Заячья губа отнюдь не уродовала лица Тарнера, скорее наоборот: она придавала ему простодушную веселость, улыбочивость, доступность, располагала к ее обладателю и каким-то непонятным образом внушала доверие.

Карлики — братья-близнецы Джон и Грэг («66 дюймов* на двоих»), путавшиеся под ногами у «пророка», повторяли его в миниатюре до самых мельчайших подробностей. Та же прическа, те же дымчатые очки, тот же гранатовый костюм, те же башмаки «из кожи еще не родившегося теленка ворсом наружу», тот же американский звездно-полосатый флаг, щедро усеянный бриллиантами и рубинами, правда меньших размеров, короче, Тарнеры-дюймовочки, похожие как две капли воды на «неудержимого». Вот только не было у них заячьих губ...

Время от времени «пророк» опускал руки на головы карликов и вопрошал:

— Как вы себя чувствуете, ребята?

Джон и Грэг — «66 дюймов на двоих» — пропискивали в унисон, видимо, уже хорошо заученную, отрепетированную и неоднократно повторяемую фразу-формулу:

— Подобно долларам в куче центов, мистер Тарнер!

Фраза эта, несмотря на писклявые голоса карликов, разряжалась выстрелом стартового пистолета. Толпа начинала скандировать: «go, go, go!» («Давай, давай, давай!» Или: «Пошли!»), а затем все тонуло в нечленораздельном «ММММООННЕУ!», рвавшемся в поднебесье из бычьих глоток, повязанных норковыми галстуками.

«Пророк» вновь опускал руки на головы карликов:

— Это мои посланцы доброй воли. Их рост 33 дюйма, и все-таки они выбились в люди. Величие каждому по плечу. Только надо держаться меня.

Наконец, Гленн Тарнер Заячья Губа рассек прилив обожателей, пробился к раскрашенному под Шагала лимузину и плюхнулся на его норковое сидение. Вслед за ним в лимузин вползли карлики, чувствовавшие себя,

* Дюйм = 2,5 см.

как «доллары в куче центов». Еще мгновение, и длинная кавалькада «кадиллаков» и «линкольнов» рванулась в центральную часть Чикаго, оглушая его улицы ревом сирен. Пешеходы и те, что за баранкой, сначала в ужасе шарахались в сторону, а затем долгим взглядом провожали кавалькаду машин, на бамперах которых кривлялись прельстительные буквы, складывавшиеся в прельщающие слова: «Я знаю, как сделать вас богатыми, если у вас хватит смелости спросить меня об этом».

Карьера Заячьей Губы

Для начала наберемся смелости и зададим вопрос: как разбогател сам Тарнер?

Гленн Заячья Губа родился в местечке Мэрион в семье полуннищего издольщика из Южной Каролины. Окончить школу ему не удалось. Исключили из восьмого класса за неуспеваемость. Тогда Гленн решил переквалифицироваться в миллионеры. В течение нескольких лет он сменил двадцать шесть профессий, но ни одна из них не принесла ему ни гроша. Тарнер не унывал. «Авраам Линкольн восемнадцать раз терпел поражение, прежде чем стать президентом», — утешал он себя.

В 1967 году Гленн стал коммивояжером по сбыту швейных машин домохозяйкам глубокого Юга. Он объезжал фермы, где жили такие же, как он, нищие издольщики, и демонстрировал их матерям, женам и дочерям евклидовы строчки и римановы петли зингеровских чудомашин. Он протискивался сквозь гирлянды хлопка, которыми фермеры украшают двери и окна своих жилищ для отгона мух, улыбался обитателям этих ветхих халуп во всю ширину своей заячьей губы и начинал священнодействовать.

Несмотря на то что всучить жене издольщика-южанина швейную машинку «зингер» лишь чуть менее сложно, чем продать полярному медведю холодильник «Дженерал электрик», дела Тарнера стали постепенно поправляться. В ретроспекте он считает, что заячья губа сыграла весьма немаловажную роль в написании этой начальной главы его «Great American success story» («Великой американской истории успеха»).

— Я старался вести себя так, чтобы люди, видя мой физический недостаток, не жалели меня, а веселились,— вспоминает Тарнер.— Поймав взгляд потенциального клиента, застывший на моей заячьей губе, я обычно говорил: «Вы смотрите на мою заячью губу, мэм? Ну и отлично. Так вот, если начистоту, я напялил ее на себя лишь этим утром, чтобы люди замечали меня. За сто долларов вы можете взять ее напрокат».

Трюк с заячьей губой действовал безотказно, особенно на негров.

— Им льстило, что белый человек обивает пороги их жилищ, кривляется перед ними, ведет себя с ними запанибрата,— объясняет Тарнер психологическую подоплеку своей клоунады.— Обо мне говорят, что я жулик и обманщик. Возможно, так оно и есть. Я вдавливал себе, что люблю всех этих людей и в конце концов сам поверил в это. Так сказать, обманул самого себя...

Вскоре у Тарнера завелись деньги, настолько солидные, что он начал навещать свою клиентуру в «кадиллаке».

И тем не менее колесам зингеровских швейных машинок не суждено было сыграть роль колеса благосклонной фортуны. Три раза они оборачивались вспять. Три раза Тарнера объявляли по суду банкротом, а на его имущество, включая автомобили, накладывали секвестр.

— Да, я тонул три раза,— признается Тарнер,— но каждый раз шел ко дну с шиком. Секвестрируемые автомобили всегда были высшей марки — только «кадиллаки»!

Потеряв деньги, Гленн Заячья Губа приобрел нечто более важное — опыт. Он считал основной причиной своего банкротства чувство неуверенности, нереальности, владевшее им.

— Я был фантастически удачливым коммивояжером, но никак не мог поверить, что делаю деньги, и в конце концов перестал делать их. Ведь главное то, что происходит в твоей черепной коробке.

А в черепной коробке Тарнера зрели грандиозные планы. Они заквашивались на философии так называемого «позитивного отношения», которая дала Америке целые династии финансовых и промышленных пиратов, начиная от Морганов, Рокфеллеров, Карнеги и кончая

могучей кучкой нуворишей «технотронной эпохи», нахрапистых, как ломовые извозчики, хотя и повелевающих миллиардами лошадиных сил. (Впрочем, слово «хотя» здесь не совсем уместно.)

Забегая несколько вперед, расскажу о том, как Гленн Тарнер, уже мультимиллионер, объявленный «Лайонс клубом» («Клубом львов») Человеком года, выступал в гарвардской Школе бизнеса — кузнице капитанов американской экономики. Это было летом 1971 года. Гленн Заячья Губа стоял на сцене «Олдрич-холла» — святая святых делового мира Нового Света, — одетый в костюм-тройку из желтого дакрона в белую диагональную полосу. Он не без видимого удовольствия и даже злорадства попирал эту святыню финансового истеблишмента своими знаменитыми башмаками «из кожи еще не родившегося теленка ворсом наружу» и поучал будущих гэлбрейтов и самуэльсонов * смыслу жизни, то есть искусству делания денег. То было незабываемое зрелище: язычник, пробившийся сквозь стражу наемников-швейцарцев в подземные лабиринты Ватикана, вдалбливал папе римскому урок закона божьего.

Гленн Заячья Губа стоял на сцене «Олдрич-холла» под плакатом, вопрошавшим: «Жулик или святой?» (Заголовок его автобиографии.) Терзая утонченный слух гарвардских молокососов своим южным прононсом, растянутым, хрипловатым и безграмотным, он говорил:

— Каким это образом мне, пахнувшему навозом сопляку из Южной Каролины, удалось стать мультимиллионером? С помощью образования? Ха, меня выперли из восьмого класса! Дело не в образовании, а в позитивном отношении. Мыслить надо позитивно, вот что! Как высоко ты о себе думаешь, так высоко и залетишь. А вот многие люди позволяют промывать себе мозги, утверждаясь в своем ничтожестве. Ничтожество? Чепуха! Если я, недоучка, награжденный к тому же заячьей губой, смог выбиться в люди, значит, это по зубам каждому. Повторяю, дело не в образовании. Я и без него ол райт. На моем письменном столе установлена батарея маленьких

* Гэлбрейт и Самуэльсон — «властители умов», знаменитые американские буржуазные экономисты. Последний — лауреат Нобелевской премии.

кнопок. В случае необходимости я нажимаю нужную кнопку, вызываю нужного человека, обладающего нужными знаниями, и он говорит мне, что делать. Вот все, что мне надо. А в скором времени я заведу одну большую кнопку. Нажимая на нее, я буду вызывать человека, который и будет решать, на какую из маленьких кнопок нажать и кого вызвать...

А теперь вернемся к Гленну Тарнеру докнопочной эпохи. Разорившись в третий раз на швейных машинках, он поступил в косметическую фирму с поэтическим названием «Холидэй мэджик» («Праздничное волшебство»). И тут его боксерский нос почувал магический запах жареного. Люди рождаются с косметикой и умирают с ней, рассуждал Тарнер. Младенцев припудривают тальком, мертвецов гримируют. Путь человека от колыбели до гроба — сплошная косметика, а для того, кто мостит его, — сплошные доллары.

Своих долларов у Тарнера тогда уже или еще не было. Чужих тоже. Банкроты кредитом не пользуются. И тем не менее будущему косметическому королю удалось выцарапать у родного дядюшки пять тысяч долларов в долг. Заговаривать зубы Гленн Заячья Губа умел, как никто другой, и дядюшка — не богатый, как в сказках, а бедный, как в жизни, — поверил племяннику и отдал ему все свои сбережения, припасенные на черный день. (Впоследствии дядюшкин сон оказался в руку.)

Набив карманы дядюшкиными «баками» (жаргонный синоним доллара), Тарнер перебрался в городок Орlando, штат Флорида, и открыл свое собственное дело. Собственно, никакого собственного дела не было. Был лишь небольшой оффис — всего две клетушки, в которых не пахло ни парфюмерией, ни тем более деньгами. Зато название фирмы звучало грандиозно — «Коскот Интерплэнетэри, инкорпорейтед»! «Кос» означало «косметические», «кот» — «общины будущего», а «интерплэнетэри» — «межпланетные». Итак, фирма, основанная Тарнером, именовалась «Косметические межпланетные общины будущего»*. Объясняя происхождение этого на-

* Источником вдохновения для «Коскота» Тарнеру послужил «Мир Диснея» — «Эпкот» — «Экспериментальный прототип общин будущего».

звания, он говорил, что руководствовался принципами «позитивного отношения» — мысля масштабно, мечтая масштабно, ты становишься масштабным парнем. К тому же его затрапезный оффис находился по соседству со знаменитым флоридским комплексом американских космодромов (мыс Канаверал). То было знамение свыше, не иначе.

Обычно говорят, что быстро сказка сказывается, да дело долго делается. К истории возвышения Тарнера эта допотопная мудрость никак не подходит. Недаром уже его первая фирма носила «межпланетный» характер. Разрасталась она со второй космической скоростью и за четыре года (1967—1971) превратилась в гигантский конгломерат «Гленн В. Тарнер энтерпрайзис, инкорпорейтед», состоящий из семидесяти национальных, международных и, разумеется, межпланетных компаний. Так, фирма «Фэшкот» торгует париками, фирма «Эмкот» — меховыми шубами, фирма «Транскот» занимается грузовыми перевозками, фирма «Саундкот» — производством грампластинок. Тарнеровский конгломерат продает витамины и белье, ювелирные изделия и удобрения, владеет цепью мотелей («Эдвенчурер-иннс») и вертолетной компанией («Энстром»), имеет свою собственную аэролинию — «Гленн-эйр». И, наконец, жемчужина тарнеровского концерна — «Смей быть великим» (Dare to be Great), фирма, торгующая идеями «позитивного отношения к жизни». (О ней мы еще расскажем поподробнее.)

Конгломерат Тарнера весь в движении, в росте. Новые компании возникают, как грибы после дождя. Одни сливаются, другие отпочковываются. Их филиалы можно найти в любом штате Америки и в десяти зарубежных странах, включая Англию, Канаду, Мексику. Четыреста тысяч коммивояжеров «толкают» продукцию Тарнера и одновременно воздают хвалу боссу. А сам Гленн Заячья Губа, нажимая на кнопки — большие и малые, — изобретает все более грандиозные, захватывающие дух предприятия. Так, он задумал основать газету «Дейли планет» («Ежедневная планета»), которая, по его расчетам, должна стать самой большой газетой в мире. Другое начинание Тарнера — «Вторая природа», гибрид морга и мавзолея, земной вариант того света, где люди смогут навещать почивших в бозе близких и «мысленно общаться»

ся» с ними. «Вторая природа» видится пророческому взору Тарнера гигантским городом наподобие Диснейленда, обитатели которого будут набальзамированы чудотворными эликсирами, производимыми, само собой разумеется, «Косметическими межпланетными общинами будущего». Инкорпорированными...

Тарнер — единоличный хозяин своей «империи» и поэтому не обязан отчитываться перед держателями акций или, как здесь принято говорить, «открывать бухгалтерские книги». Согласно косвенным данным, Гленн Заячья Губа стоит сейчас более двести миллионов долларов. Это национальный, а быть может, и мировой рекорд. До Тарнера еще ни одному магнату прошлого и настоящего не удавалось сколотить подобное состояние в четыре года. Самому Тарнеру «слегка» за сорок.

Буквально вчера он жил в автофургоне, «полезная площадь» которого составляла всего двадцать семь квадратных футов *. Его сегодняшней дом оценивается в полмиллиона долларов, его завтрашний — в два миллиона. То будет подлинный замок на побережье Флориды, смотрящийся в воды Атлантического океана. Строительство замка уже близится к концу. Его окна и двери защищены стальными жалюзи, которые автоматически опускаются, управляемые из единого засекреченного кнопочного центра. Вокруг замка расположился гимнастический комплекс. Забили струи замысловатых фонтанов. Голубеют глазами циклопов плавательные бассейны. Зацвели оранжереи. Вклинился в море огромный причал в ожидании сходящей со стапелей яхты. В гараже застыли два «роллс-ройса» и прочие чудеса о четырех колесах.

В чем секрет феерического взлета Тарнера? На какую золотоносную жилу он набрел, скитаясь в своем автофургоне-душегубке по несравненным «хайвеям» и «фривеям» ** излюбленной богом Америки? Быть может, ему удалось изобрести философский камень, о котором мечтали и ради которого всходили на костры инквизиции средневековые алхимики? Или, быть может, подобно мифическому царю Мидасу, он открыл в себе колдовскую

* Фут = 33,3 см.

** Автострады.

силу превращать в золото любой предмет простым прикосновением руки?

Золотоносная жила, на которую набрел и которую успешно разрабатывает Гленн Заячья Губа, называется человеческой алчностью. Философский камень, который заложен в фундамент его «межпланетного» конгломерата, именуется жаждой наживы. Колдовская сила царя Мидаса, бурлящая в его крови,— глупость одних и отчаяние других. У Тарнера, как у Якова, много товару всякого. Но свои сотни миллионов он заработал, торгуя воздушными замками. В Америке возводить реальные замки могут и те, кто успешно сбывает публике замки воздушные. А в этом деле у Гленна Тарнера нет равных.

Помните щедринского героя, поражавшего воображение своего племянника-несмышленища незамысловатым фокусом с монетой? Герой этот подносил к его носу раскрытую ладонь, затем сжимал пальцы в кулак, произносил волшебное слово «кляц», разжимал пальцы и показывал изумленному балбесу чудом возникшую золотую монету. Примерно то же самое делает и Гленн Тарнер. С той только невеликой разницей, что демонстрирует он свой фокус всей Америке, сует под нос миллионам свои руки, сжатые в кулаки и растопыренные ладонями кверху, раскатывает волшебное слово «кляц» громом телевизионной рекламы, газетного публицити, цирковых представлений. И, что самое главное, загребает под этот фокус несметные сокровища...

Подобно тому как планеты нашей галактики вращаются вокруг Солнца, в мире капитала, где господствуют частная собственность и эксплуатация человека человеком, все вращается вокруг золотого тельца — символа наживы. Такова уж социальная природа капиталистического общества.

В Соединенных Штатах Америки страсть к наживе приобрела наибольший размах и наиболее отталкивающие формы. «Поиск счастья», торжественно провозглашенный «отцами-основателями», как по традиции называют создателей Декларации независимости, уже с первых же шагов молодого американского государства обернулся поиском звонкой монеты. Богатство стало синонимом счастья, и уже одно это предопределило невозможность его достижения. Возведение доллара в божество

ство, культивирование страсти наживы во всем ее многообразии — от «респектабельной» и освященной свыше погони гигантских монополий за сверхприбылями до элементарного гангстеризма, от фондовых бирж, страховых компаний и банков до торговли наркотиками, проституции, порнографии — ведет к поляризации общества и к распаду личности.

Богатые становятся богаче, бедные — беднее. Гигантские состояния сколачиваются на разорении так называемого простого налогоплательщика. Его обдирают как липку, причем дважды — государство и корпорации. Но дело этим далеко не ограничивается. Страсть наживы, погоня за долларом, набивая карманы немногих и опустошая карманы большинства, ведут к духовному обнищанию всего общества в целом.

На бирже человеческих ценностей, если можно так выразиться, свирепствует глубокий постоянный кризис. Здесь нет даже конъюнктурных взлетов. Все покупается и продается. Культура — бизнес, любовь — бизнес. Человек человеку волк. Материальное неравенство смыкается с моральным обнищанием — единственным видом «равенства», которое реально существует в мире капитала. В этом, собственно, нет ничего нового, сенсационного. Об этом было написано с убийственно обличительной силой уже в «Манифесте Коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Ныне банкротство капитализма, исчерпавшего свою позитивную историческую динамику, стало еще более очевидным, его духовное обнищание — еще более тлетворным. Мефистофелевское «люди гибнут за металл» превратилось из поэтической метафоры в прозаическую констатацию факта...

Щедринский ублюдок навеки занемог от дядюшкиного фокуса. Его манила и отравляла не просто страсть делания денег, а делания денег из ничего и без труда: сжал пальцы — разжал пальцы — вот тебе и монета. Ну еще «кляц» проговорил. Философия «позитивного отношения» Гленна Заячьей Губы именно на этом и зиждется.

Подобно тому как он пытался сбывать швейные машинки «зингер» бедствовавшим фермерам-издольщикам, он сбывает сейчас свою философию «позитивного отношения», в основе которой лежит допотопный «кляц», тем

американцам, которых обнесли чашей на пиру всеобщего благоденствия, равных возможностей и безграничного процветания. А в Америке таких американцев десятки миллионов. И всем им хочется быть богатыми, как Рокфеллер, ибо все равны перед богом и конституцией, ибо традиционный яблочный пирог выпечен для всех, надо только уметь и успеть отхватить причитающийся тебе кусок, а если удастся — отломить кое-что и от соседского.

Но как сделать это? У Рокфеллера и других «парней из высшей лиги» банки и дредноуты, нефть и дипломаты. Им уже принадлежит почти весь американский традиционный яблочный пирог. И они никому не собираются отдавать его. Да и оставшиеся крохи тоже не залеживаются на блюде всеобщего благоденствия. Их судорожно захватывают в рот и заглатывают хищники, что помельче. Здесь есть от чего впасть в отчаяние, выброситься из окна или броситься с моста.

Но в тот самый момент, когда ты заносишь ногу над пропастью, на твои плечи ложится рука Тарнера. Он показывает тебе фокус с монетой, шепчет на ухо неотразимое «кляц», и ты, как утопающий за соломинку, хватаешься за фалды тарнеровского пиджака цвета спелого граната или желтой груши и начинаешь орать на всю американскую «главную улицу»*: «ММММООННЕУ!»

Правда, деньги от этого у тебя не заводятся. Наоборот, ты отдаешь Тарнеру свои последние, сберегавшиеся на «приличные похороны». Но зато у тебя прорезаются зубы мудрости, замешкавшиеся в деснах равных возможностей. И лязгая ими — кляц, кляц, кляц, — ты уже не бросаешься в Ист-Ривер с Бруклинского моста**, а норовишь столкнуть в нее своего ближнего, или, что приблизительно одно и то же, показать ему в свою очередь фокус с монетой...

Итак, поначалу в двух клетушках, где обосновались тарнеровские инкорпорированные «Косметические межпланетные общины», не пахло ни парфюмерией, ни день-

* Каждый американский город имеет свою «главную улицу» — «Main street». Так называется и знаменитый роман Синклера Льюиса.

** Маяковский в своих очерках об Америке ошибочно перенес Бруклинский мост на Гудзон.

гами. Гленн не мог позволить себе даже роскоши невинной считалки: «В этой маленькой корзинке есть помада и духи...»

Впрочем, он и не собирался торговать ими. Вместо парфюмерии Тарнер выбросил на рынок совершенно иной товар. Именовался он «правом на распространение». Любое лицо, заплатившее Тарнеру пять тысяч долларов (по-видимому, в назначении этой суммы определенную роль сыграл дядюшкин заем), получало право на распространение продукции фирмы «Коскот», а также право на вербовку нового распространителя. Последний обязан был платить вербовщику те же пять тысяч долларов, из которых тот оставлял себе 2650 долларов комиссионных, а остальное отдавал Тарнеру.

Поскольку фирме «Коскот» распространять было нечего, ее новоиспеченные коммивояжеры с межпланетным энтузиазмом «толкали» права на вербовку. То был легчайший и кратчайший путь для возвращения первоначального вступительного взноса — пяти тысяч, уплаченных Тарнеру, и для быстрой наживы.

Первый вербовщик, заполученный Тарнером, — девятнадцатилетний юноша-калека из Мэриона, штат Огайо, буквально с ночи на утро заработал на перепродаже прав восемьдесят тысяч долларов. Для этого ему пришлось «наколоть» тридцать пять искателей быстрой наживы.

Но он был пионером, поднимавшим целину. Чем дальше в лес, тем больше сгущались джунгли геометрической прогрессии. Ведь для того, чтобы заработать те же восемьдесят тысяч, каждому из тридцати пяти обращенных надо было в свою очередь завербовать тридцать пять новых любителей быстрой наживы. Если читатель знаком с правилами умножения и помнит количество населения земного шара, то он, наверное, затруднится ответить на вопрос: где найдут последние 51 296 875 вербовщиков «Коскота» по тридцать пять скальпов на душу? Уж не потому ли Гленн Заячья Губа назвал свое предприятие межпланетным?

Но оставим в покое космос и даже земной шар. Уже пятикратное повторение трюка с перепродажей прав на распространение и вербовку в темпе, заданном юношей-калекой из Мэриона, привело бы к тому, что в каждой

американской семье оказалось бы по одному коммивояжеру «Коскота».

Разумеется, дело Тарнера разворачивалось не столь молниеносно. Однако сам Гленн Заячья Губа от заминок не страдал. Свое он получал сполна. Ведь кесарю — кесарево, а богу — богово. Люди, попадавшие в орбиту «Коскота», становились по существу его невольными банкирами, предоставлявшими ему неограниченный кредит и беспроцентные займы.

Уже через восемь месяцев в штаб-квартире Тарнера запахло деньгами, а еще через некоторое время — парфюмерией. На доллары, выколачиваемые вербовщиками из искателей легкой наживы, Тарнер выстроил в Орландо, штат Флорида, и в Сан-Хуане, Пуэрто-Рико, первоклассные косметические предприятия, начавшие выпускать парфюмерные изделия из переработанного норкового жира. (Теперь вам понятна привязанность тарнеровской камарильи к норковым галстукам?)

Вскоре из косметического бизнеса Гленн Заячья Губа перекинулся в другие области деловой активности, и закружилась карусель.

Впрочем, для кого — карусель, а для кого — мельничные жернова. «Империя» Тарнера растет, перемалывая человеческие судьбы. Ослепленные иллюзией мгновенного обогащения, люди попадают в кабалу к Гленну Заячьей Губе, отдают ему свои последние гроши, залезают по уши в долги, срываются с насиженных мест, бросают семьи, а затем, пытаясь стричь купоны, невидимые, как королевские одежды из сказки Андерсена о портняжках-жуликах, превращаются из мелких жертв в еще более мелких хищников, соблазняя и губя по принципу цепной реакции.

Вербовщики-распространители, готовые перегрызть друг другу глотки, не отгороженные друг от друга даже видимостью конвенции, которой придерживались лжепотомки лейтенанта Шмидта, рыщут, словно шакалы, по Америке, оставляя за собой следы преступлений и трагедий. Капканы и мышеловки Тарнера покрыли густой сетью всю страну.

Сеанс массового гипноза

...Это было в августе 1972 года. В Майами-бич проходил предвыборный съезд республиканской партии. Стояла невероятная жара. Атлантический океан не освежал, и редкие купальщики напоминали выброшенных на берег рыб, хватающих последние глотки ускользающего воздуха. На улицах курортного города не было никого, кроме демонстрантов и полиции. Отдыхающие попрятались под тенты кафе и гостиничных веранд, поглощая в невероятных количествах мороженое и прохладительные напитки, а делегаты съезда, политические лоббисты и представители прессы предпочитали коротать время в гигантских холлах фешенебельных отелей, где исправно работавшие могучие кондиционеры создавали искусственные оазисы умеренной температуры.

Владельцы отелей, стремясь привлечь клиентуру, рекламировали «по сезону» не столько прелести гостиничного комфорта или мастерство шеф-поваров, сколько исправность и мощь кондиционных установок. Помню, как на фронтоне одного из отелей красовался гигантский неоновый термометр, соблазнительно указующий прохладу, царившую в его чертогах. А она была тем более необходима, что к жаре климатической приплюсовывался накал политических страстей — дебаты, интриги, сделки, шоу.

Как раз этот гигантский неоновый термометр напомнил мне старый анекдот об «агитпункте», устроенном чертями для привлечения людей в ад. Я рассказал его Элеоноре Р., молодой журналистке, представлявшей небольшую «подпольную» газету, издававшуюся в Нью-Йорке группой радикально настроенных деятелей культуры. (Замечу в скобках, что в Соединенных Штатах Америки «подпольными» называются не газеты, печатающиеся нелегально, а издающиеся, так сказать, «диким способом», вне рамок респектабельных газетных трестов.)

Анекдот рассмешил Элеонору.

— Ну, прямо как вербовочные пункты Гленна Тарнера! — воскликнула она.

Услышав имя Тарнера, я насторожился. К тому времени мною уже было заведено «дело» на Заячью Губу, и

все, что касалось его жития и подвигов, очень интересовало меня. Поэтому я попросил Элеонору рассказать о тарнеровских вербовочных пунктах.

— О, это скорее капканы или мышеловки!

Мы вошли в просторный холл отеля «Фонтенбло», где размещались штаб-квартира организаторов съезда и пресс-центр, нашли сравнительно укромное местечко и расположились в креслах, правда не очень удобных, но с непропорционально высокими спинками, которые хотя бы иллюзорно защищали нас от вавилонского столпотворения, царившего вокруг. Я заказал блуждающему официанту два коктейля и приготовился слушать.

— Это произошло сравнительно недавно,— начала свой рассказ Элеонора.— Как обычно, у меня было туго с деньгами. Меня только что уволили из одного благотворительного фонда, где я работала секретаршей по связи с печатью. На «подпольную» я набрела несколько позже. Так вот, каждое утро за кофе я внимательно изучала рекламные объявления в газетах, пытаюсь выудить из них спасательный круг.

Однажды мне попалось на глаза следующее объявление: «Фирме «Коскот» требуется гид-хозяйка-стюардесса для сопровождения будущих инвесторов в однодневную поездку в Майами. Плата — пятьдесят долларов в сутки». Объявление звучало заманчиво, но несколько подозрительно. Оно весьма смахивало на предложение, исходящее от торговцев живым товаром, рекрутирующих очередную партию «колл-герлз». Конечно, я что-то слышала — краешком уха — о «Коскоте», об его основателе Тарнере, об его «пирамидальных схемах» мгновенного обогащения под девизом «Смей быть великим» и так далее. Но все это звучало весьма расплывчато и неубедительно. Стать великой я не собиралась.— Элеонора усмехнулась,— а вот богаче хотя бы на несколько «баков», да.

Пятьдесят долларов на улице не валяются. С другой стороны, я ничем не рисковала — ведь можно было навести справки. Я так и поступила. Набрала номер телефона, указанный в объявлении, и прямо, без обиняков, спросила, не означает ли приглашение в гидессы-хозяйки-стюардессы закамouflированную проституцию. На том конце провода голос, принадлежавший, по-видимому, по-

жилой даме, с нескрываемым возмущением ответил: «Позвольте, за кого это вы нас принимаете? «Коскот» — одна из крупнейших корпораций Америки с многочисленными дочерними фирмами. Если вы действительно заинтересованы работать у нас, то приходите. Мы вам представим исчерпывающие данные, а там решайте сами. Кстати, сегодняшней вечер — приемный день»...

Принарядившись на всякий случай, я поехала. Рекламный адрес привел меня в один из новых отелей неподалеку от аэропорта Кеннеди. Банкетный и танцевальный залы отеля были битком набиты людьми или, говоря языком газетного объявления, «будущими инвеститорами». Выглядели они весьма живописно и одновременно обыденно. Казалось, кто-то перемешал, а затем согнал в одну кучу экзотических золотоискателей лихорадок Клондайка и Калифорнии и утренних, самых ранних пассажиров нью-йоркской подземки — женщин в будничной одежде и в обуви на плоской подошве без каблучков, рабочих в спецовках, негров. Вторые явно преобладали.

Лица «будущих инвеститоров», хозяйкой которых мне надлежало стать, выглядели усталыми, осунувшимися. Если на них и лежали отблески надежды, то они были глубоко запрятаны в морщины и сильно припудрены бесплатной нью-йоркской косметикой — копотью, замешанной на смоге.

В стратегических пунктах банкетного и танцевального залов, как сейчас помню их архитектуру — безвкусная смесь модерна и барокко, были установлены ломберные столики для карточной игры, за которыми восседали молодые люди, жизнерадостные, как жеребцы, розовощекие, как поросята, в разглаженных, с иголки, костюмах, свежевывритые и тщательно подстриженные. Только что из парикмахерской. У каждого к лацкану пиджака, словно зеленая гвоздика, были приколоты звездно-полосатым флажком — значком из дешево-дорогих камней — стодолларовые бумажки, такие же свежие и жизнерадостные, как и сами молодые люди. Молодые люди, выглядевшие еще более молодыми и жизнерадостными на сером, унылом фоне «будущих инвеститоров», казалось, только-только сошли со страниц букварей «великой американской мечты», какой она мерещится сред-

нему обывателю и любвеобильным, но лишенным фантазии мамашам.

На ломберных столиках вместо карточных колод лежали стопки анкет. Молодые люди лихо заполняли их, задавая с преувеличенной вежливостью и уж с совершенно преувеличенным и неуместным весельем элементарные вопросы: имя, фамилия, адрес и так далее. Ответы они воспринимали, как откровения или подарки, ржали, как жеребцы, и хрюкали, как поросята, а затем, угодливо изгибаясь, кланяясь и почти вальсируя, вели занесенных в реестры клиентов к предназначенным для них местам, бережно усаживали в кресла и поощрительно похлопывали по плечу.

Когда процедура инвентаризации всего поголовья «будущих инвеститоров» закончилась, в залах — банкетном и танцевальном — дали полный свет. Вспыхнули гигантские хрустальные люстры, свисавшие с потолка, и многочисленные бра, рассыпанные светлячками по стенам. Незримый оркестр грянул гимн. Мы все как ужаленные вскочили со своих мест, скорее от неожиданности, чем от прилива патриотических чувств, и, приложив правую руку к сердцу, принесли присягу флагу.

Занятые этой священной процедурой, мы не заметили, как буквально у нас на глазах, словно в спиритическом сеансе, материализовалась блондинка с пышными формами Мерилин Монро в мини-юбке и макси-декольте. К ней тотчас же подскочили молодые люди со сто долларовыми бумажками, приколотыми к лацканам двухсотдолларовых пиджаков, и вознесли на руках чуть ли не до самых хрустальных люстр. Во всяком случае, мне так показалось. На мгновение произошло короткое замыкание между канделябрами и гривой золотых волос пышной блондинки. Было жутко эффектно. Кто-то подал блондинке микрофон. Молодые люди хором гаркнули: «Йе, йе, йе!» Затем заговорила она:

— Хэлло, леди и джентльмены! Мы все несказанно рады видеть вас сегодня вечером у нас в гостях. Вечер, который вам предстоит провести, будет, мы твердо уверены в этом, самым важным вечером в вашей жизни. Он решит вашу судьбу. Так наберитесь же терпения и проникнитесь надеждой! Ждите и смотрите!

Мускулистые руки молодых людей бережно опустили

на танцевальный паркет дорогую ношу. Вместо обольстительной блондинки к люстрам взвился не менее обольстительный брюнет. Вновь произошло короткое замыкание между канделябрами и гривой иссиня-черных волос жгучего брюнета. Было жутко эффектно. Жгучий брюнет прокричал в микрофон:

— Хэлло, леди и джентльмены! Спору нет, страна, в которой мы живем, великая страна. Но не стоит обманывать себя — это еще не рай, и в ней еще далеко не исчерпаны все возможности для дальнейшего совершенствования. Настало время, пробил час. Маленький человек должен подняться во весь рост, расправить плечи и получить причитающееся ему сполна, как это делают уже давно его большие сограждане. Настало время, пробил час успешной погони за длинным долларом! Мы хотим, чтобы эта погоня увенчалась для вас успехом. Мы сами уже достигли его и сейчас горим желанием поделиться им с вами, ибо вы тоже имеете право на кусок традиционного яблочного или вишневого пирога. Прекрасная леди, которую вы только что имели удовольствие лицезреть, расскажет вам, как это делается.

Акробатическая группа молодых людей вновь перестроила пирамиду, вознеся к ее вершине инкарнацию* Мерилин Монро в мини-юбке и макси-декольте. Инкарнация немедленно зашебетала о таких неотразимых материях, как норковые манто и дорогие духи, о волшебной фирме «Коскот», которая производит их и, более того, дает возможность производителям потреблять свою продукцию. Со скоростью пулемета блондинка строчила цифрами и фактами, излагая суть финансовых манипуляций, которые должны были в рекордно короткий срок превратить «будущих инвеститоров» в настоящих миллионеров.

— Вы покупаете акцию для «икса», делите ее, продаете часть «игреку» и зарабатываете на этом «зет», — зашебетала инкарнация великой кинозвезды, которая в свое время так же рекламировала успех и счастье по голливудским стандартам в голливудских лентах, пока эти успех и счастье не довели ее до самоубийства. (Вы покупаете снотворное для «икса», глотаете его вместе с

* Воплощение.

«игреком» и зарабатываете на этом красивую смерть, то есть, пардон, «зет».)

Было нечто противоестественное и одновременно отталкивающее в кривлянии обольстительной блондинки. Временами создавалось впечатление, что это не живой человек, а кукла человеческих размеров, из тех, что изготавливают для аттракционов Диснейленда. Казалось, кто-то у пульта управления этой электронной куклой, упакованной в синтетические массы и волокна, перепутал запрограммированный для нее текст и вместо кассеты с песенкой умеренно фривольного содержания (ведь Диснейленд как-никак посещают дети) вставил кассету от куклы, изображающей какого-нибудь знаменитого политического или государственного деятеля.

Возможно, эта сценка и не была лишена определенной доли комизма. Но ощутить ее мешала аудитория. Меня со всех сторон обступали люди — одни с отвисшими челюстями, другие с лихорадочно блестящими глазами. Казалось, я попала в водоворот утопающих, которые пытаются удержаться на поверхности, хватаясь за соломинку. Да что там за соломинку — за кобру!

А между тем в толпе, словно шпики, шныряли молодые люди со стодолларовыми ассигнациями на пиджачных лацканах, оркестрируя и подогревая энтузиазм «будущих инвесторов». Наконец, заняв стратегические пункты в банкетном и танцевальном залах, молодые люди начали скандировать: «ММММООННЕУ!»

— Знакомая картина, — перебил я Элеонору. — Мне пришлось наблюдать ее совсем недавно в Чикаго.

— Отвратительная картина... Люди с отвисшими челюстями и лихорадочно блестящими глазами стали подхватывать сначала робко, а затем иступленно клич молодчиков Тарнера. Топанье ног сотрясало паркет, дребезжали окна и люстры. Казалось, я присутствую на фестивале рок-музыки, где аудитория наполовину пьяна, наполовину взвинчена наркотиками. Но это было еще хуже. Ведь вокруг меня бесновались не длинноволосые хиппи в излохмаченных джинсах, не молокососы с героином в крови, а люди в подавляющем большинстве своем среднего и даже преклонного возраста, трезвые, как раствор борной, одетые консервативно по моде нашего «молчаливого большинства». Да, собственно, они и были

его частицей. И вот это «молчаливое большинство» орало, кричало, вопило, хрипело: «ММММООННЕУ!»

Крик нарастал стремительным крещендо с каждой новой цифрой — все более кругленькой, — которую выводила мелом на грифельной доске обольстительная блондинка, демонстрируя уравнение «икс — игрек — зет» в действии. За ревом и гвалтом я не заметила, откуда и как появилась эта доска.

Исписав всю доску цифрами, перед которыми стоял непременный знак доллара, блондинка вновь сменила мел на микрофон и понесла на этот раз совсем уж несусветную чушь: о том, что, участвуя в «спирально-пирамидальной системе обогащения», предлагаемой Тарнером, вы становитесь не только обладателем солидного капитала, но можете, если сие взбредет вам в голову, построить себе небольшой «городок будущего» с собственной плотиной и даже метрополитеном!

Я не могла поверить своим глазам — люди вокруг меня верили в кисельные берега и молочные реки, в плотину и метрополитен, которые им сулила говорящая кукла. И это те самые люди, которых превратности судьбы научили не верить ни в бога, ни в черта, которые по нескольку раз пересчитывают чеки в супермаркетах и жетоны * в реальной, а не фантастической подземке!

Я решила, что с меня хватит, и стала пробираться к выходу. У самых дверей мне преградил путь один из молодых людей, декорированных стодолларовыми бумажками.

— Вы это куда, позвольте спросить вас, миссис?

— Ведь это же нюрнбергское сборище. Вот только Гитлера не хватает! — ответила я с неожиданной злобой.

— Полноте... Нюрнбергское сборище... Что за чушь! Почему вы не хотите, чтобы бедные люди заработали немного денег? — сказал молодой человек с кривой усмешкой. Он взял меня довольно бесцеремонно под руку, поволок обратно в зал и усадил в первое попавшееся свободное кресло, слегка придавив к сиденью не то для острастки, не то в качестве символического жеста.

* В нью-йоркском метро бросают в контролеры-автоматы не деньги, а специальные жетоны.

В зале по-прежнему щебетала обольстительная блондинка, а толпа, пришпоренная видениями кучи денег и собственных поместий, орала во всю силу своих легких: «Даешь доллары! Хайль Тарнеру!»

Через несколько минут я сделала еще одну попытку ускользнуть. На этот раз удачную. Небрежно перекинув пальто на руку, я стала протискиваться сквозь плотные ряды «будущих инвеститоров». У дверей меня вновь остановил молодой человек, правда другой.

— Вы куда? — осведомился он.

— В туалет.

Меня пропустили. Я пулей выскочила из отеля, надевая на ходу пальто. Меня трясло. От холода, страха, возмущения.

Было уже совсем поздно, когда я возвращалась к себе домой на Манхэттен. Ночные пассажиры метро весьма напоминают утренних, только вот лица первых выглядят более утомленными. Всматриваясь в эти лица — женщин в будничной одежде, рабочих в спецовках, негров, одетых с дешевой экстравагантностью, пожилых людей, клюющих носом, — я вспоминала аудиторию тарнеровского собрания. Те же лица: там, в отеле, искаженные жаждой наживы, здесь, в метро, заостренные лезвием забот.

Поезд мчал на полной скорости, громыхая, вздрагивая и извиваясь, то ныряя под землю, то выскакивая на поверхность, приближая и возвращая меня с каждой оставшейся позади остановкой к реальности...

Элеонора прервала свой рассказ. Я расплатился с официантом. Мы покинули наш укромный закуток и тут же окунулись в вавилонское столпотворение отеля «Фонтенбло». Кто-то кого-то интервьюировал. Кто-то кого-то инструктировал. Взад и вперед сновали посыльные и связисты. Сбившись в отдельные кучи, совещались представители различных штатов. Сняв шлемы и отирая пот с лица, похаживали, прохлаждаясь и отдуваясь, полицейские — их только-только сменили с наружных постов перед входом в отель, осажденный демонстрантами, над головами которых колыхались антивоенные лозунги. Длинноногие девушки в канотье со звездно-полосатыми лентами бесплатно потчевали делегатов, полицию и прессу пепси-колой.

И у всех на груди было что-то приколото: у делегатов банты с цветами их штатов, у распорядителей жетоны, у прессы пропуска, у полицейских шерифские звезды и личные номера, у длинноногих девушек, предлагавших пепси-колу в бумажных стаканчиках, гигантские значки с торговой маркой их компании.

И все эти банты, жетоны, пропуска, шерифские звезды, личные номера, значки, торговые марки каким-то причудливым образом сливались в новенькие стоцолларовые ассигнации. По крайней мере, мне так показалось. Я сказал об этом Элеоноре. Она засмеялась, а потом очень серьезно ответила:

— Мне тоже...

Вскоре мы вышли из кондиционированного «агитпункта» отеля «Фонтенбло» и ступили на раскаленную сковороду августовского Майами-бич. Настала пора возвращаться к реальности...

Приглашение в Орландо

Гленна Тарнера называют самым ненавидимым человеком в Соединенных Штатах. Ему от этого ни холодно ни жарко. Пожалуй, ни один американский концерн не ведет такого количества судебных тяжб, как тарнеровский. Но ему опять-таки от этого ни холодно ни жарко. Федеральная торговая комиссия клеймит «Коскот» как «нечестное и шарлатанское предприятие». Говард Голдберг, глава общественной организации «Защита потребителей», утверждает, что Тарнер стал «обманщиком № 1». Генеральный прокурор штата Коннектикут Роберт Киллиан характеризует деятельность Тарнера как «маскированное жульничество, которое, согласно нашим данным и знаниям, вообще не имеет прецедента». Генеральный прокурор штата Луизиана считает, что Тарнер занимается «нелегальной лотереей и распространением фальшивых акций». Министерство почт и телеграфа рассматривает «Коскот» как крупнейшую денежную аферу.

Генеральный прокурор штата Нью-Йорк Лефковиц потребовал от Тарнера, чтобы тот вернул 3,8 миллиона долларов 1604 одураченным «инвеститорам». Лефковиц

заявил, что «тарнеровские операции» — это ловушки, расставляемые для людей с низким доходом, для бедных, молодых, цветных, отчаянно нуждающихся в источниках существования. (По данным нью-йоркской прокуратуры, из 1604 «инвеститоров» только семьдесят девять зарабатывают у Тарнера сумму, равную половине прожиточного минимума средней американской семьи. О масштабах тарнеровского очковтирательства в Нью-Йорке свидетельствует и такой факт. Всем 1604 «инвеститорам» было обещано, что они станут «заколачивать» по сто тысяч долларов в год, если вступят в «Коскот». Но, как свидетельствует простая арифметика, для этого обращенным следовало продать 150 миллионов «прав на распространение», то есть по восемь «прав» на каждого жителя штата Нью-Йорк, включая женщин и детей!) В двадцати шести штатах прокуроры ведут расследование деятельности «Косметических межпланетных общин будущего», в пятнадцати штатах они объявлены вне закона.

Но тем не менее, повторяю, Гленну Тарнеру от всего этого ни холодно ни жарко. Ведь в Америке нет такого суда, который судил бы победителей. А Гленн Заячья Губа — победитель. «Меня уже никто и ничто не может остановить. Я стал слишком сильным», — говорит «неудержимый» Тарнер. (В данном случае, признаемся, кавычки не совсем уместны). Национальное агентство по делам космонавтики (НАСА) торжественно преподносит ему двухметровую модель «Аполлона». Индейские племена наперебой избирают его почетным вождем своих общин. Дамы-патронессы носят его на руках, ибо он отвалил миллион долларов на строительство госпиталя для умственно отсталых детей в Южной Каролине и является крупнейшим работодателем для инвалидов во Флориде. (Они производят для Тарнера духи под названием «Огонек надежды».)

«Ястребы» тоже души не чают в Тарнере — образцом патриоте, финансировавшем судебные издержки палача вьетнамской деревни Сонгми капитана Эрнеста Медины. (Вице-президент тарнеровского концерна Ли Бэйли выступал в качестве адвоката Медины.) Активисты общества защиты животных от жестокости объявили Тарнера Человеком с большой буквы за то, что он нала-

дил производство окрашенного в оранжевый цвет полоскательного средства для собак, убивающего в их пасти дурной запах.

Матриарх американских гадалок Джейн Диксон причисляет Гленна Заячью Губу к «тридцати трем пророкам, которые посланы богом на землю прямо с неба ради великих свершений». Экс-президент Никсон приглашал «небесного посланца» в Белый дом, а гость от бога рассматривает апартаменты на Пенсильвания-авеню, 1600*, придирчивым взглядом будущего хозяина. «Рано или поздно я стану президентом Соединенных Штатов. Так точно — президентом Соединенных Штатов, — провозглашает Тарнер. — Пустите меня на телевидение в ночь накануне выборов, дайте мне поговорить без посредников с глазу на глаз с народом Америки, и на следующий день я въеду в Белый дом. Это, уверяю вас, совершенно серьезно. Я буду президентом Соединенных Штатов». В самом деле, а почему бы и нет?

Да, в их мире победителей не судят. В их мире успех — это окрашенное в оранжевый цвет полоскательное средство, убивающее смрадный запах в пасти хищника. Вот почему сотни тюрем тщетно тоскуют по Тарнеру, а он преспокойно возводит волшебный замок у флоридских берегов Атлантического океана.

«Я могу играть по их правилам и все равно выходить победителем из игры», — говорит Тарнер о своих противниках. В принципе «их» правила и его правила совпадают. Помните бессмертный афоризм президента Калвина Кулиджа: «Бизнес Америки — это бизнес»? Шутники утверждают, что дельца, не умеющего произнести этот афоризм без запинки, Торговая палата США заносит в черные списки. Имя Тарнера в них не значится. Имя Тарнера на скрижалях «американской мечты». Оно звучит гомеровским гекзаметром в американской мифологии.

«Я не пью, не курю, не волочусь за женщинами. Я делаю деньги. Я почти совершенство», — восклицает Гленн Заячья Губа. Неважно, скольких людей он погубил и развратил, сделал алкоголиками и наркоманами. Важно, что он преуспел. «Только марсиане могут не восхищаться

* Официальный адрес Белого дома в Вашингтоне.

мной», — утверждает Тарнер. И он прав, черт побери! Конечно, его место за решеткой, но что за человечество! — умиляются служители вашингтонской Фемиды. Конечно, он зарезал меня без ножа, но он же и зажег во мне огонек надежды! — гнусавят духовные инвалиды, которым не довелось выйти в люди с орбиты «Косметических межпланетных общин будущего». Опять-таки каждому свое: кесарю — кесарево, богу — богово. Одни умеют делать «кלאц» зубами, другие делают из «кלאц» доллары.

Трагедия американца, между прочим, состоит и в том, что за «американской мечтой» он не видит социальной несправедливости. Вместо нее ему мерещится лишь собственное неудачничество. Ведь выбиваются же другие наверх, даже на самый верх? Ну, например, тот же Гленн Заячья Губа, безграмотный потомок голоштанного фермера? Значит, система тут ни при чем. Значит, просто котелок не варит. Недаром в евангелии от Марка сказано, что все возможно для того, кто верует. Американец верует в успех, и ему кажется, что для него все возможно.

Подобная вера — индульгенция. Она оправдывает любое преступление ради успеха, увенчанное успехом. Подобная вера — шоры. Она списывает неуспех в графу элементарного невезения. Гленн Тарнер живет по евангелию от Марка. Недаром на письменном столе его служебного кабинета в Орландо всегда лежит пузатая Библия, а рядом с ней — музыкальная шкатулка, выполненная в форме миниатюрного «роллс-ройса». Когда ее заводишь, она начинает играть песенку «Невозможная мечта» из бродвейского мюзикла «Человек из Ла-Манчи». Конечно, сам Тарнер не Дон-Кихот. Сражаться с ветряными мельницами не в его духе. Но вот засорять головы других видениями невозможной мечты — его призвание, более того — бизнес.

...Нашествие Заячьей Губы на гарвардскую Школу бизнеса потрясло ее, но не убедило.

— Парни вы, видать, башковитые, хотя и со странностями, — говорил будущим капитанам американского бизнеса Гленн Тарнер. — Вы втемяшили себе в голову, что дела можно делать исключительно по-гарвардски, и никак иначе. Для вас иначе — от лукавого. Так вот, приезжайте ко мне в Орландо и убедитесь сами. Я пре-

доставлю в ваше распоряжение самолет — надо торопиться! Возьму на себя все расходы — зачем жаться? Открою перед вами все бухгалтерские книги — зачем таиться? Итак, поехали!

Фом неверующих, пожелавших прикоснуться к косметическим язвам Христа из Орландо, набралось сорок человек. Через несколько дней их привезли в аэропорт Ла Гардия на вокзал «Батлер эйвиэйшн», к взлетной дорожке которого Гленн Тарнер пригнал реактивный лайнер «Фэлкон фэн», купленный по случаю у «Дженерал электрик». Фюзеляж лайнера, выкрашенный в красно-белоголубой цвет, был оклеен иллюстрациями из жития Заячьей Губы.

На борту самолета гарвардских скептиков приветствовали сирены-стюардессы и личный представитель Тарнера некто Дэйв Кларксон, он же наглядное пособие и неопровержимое свидетельство величия фирмы «Смей быть великим».

Пока «Фэлкон фэн», пожирая пространство, мчит сорок гарвардских разбойников из Нью-Йорка в Орландо, послушаем рассказ тарнеровского Али-бабы о сокровищах «Смей быть великим».

В отличие от других фирм, входящих в конгломерат «Гленн В. Тарнер энтерпрайзис, инкорпорейтед», компания «Смей быть великим» торгует идеями. Торгует по принципу Остапа Бендера: идеи наши — деньги ваши. Идеи фальшивые, с фальшивым названием — «Позитивное отношение к жизни». Деньги — реальные, хотя и несколько девальвированные доллары.

«Позитивное отношение к жизни» — история сказочного обогащения Тарнера, «несмотря на физический недостаток — заячью губу, дефект речи и отсутствие образования». Эта история, наговоренная самим Тарнером на магнитофонную ленту и отснятая на ленту целлулоидную, распадается на четыре курса-евангелия. Курс первый — приготовительный. О том, как выбраться из нищеты. Курс второй — о том, как разбогатеть. Курс третий — о том, как стать миллионером. Наконец, курс четвертый — о том, как стать мультимиллионером. Курс первый для подготовишек стоит триста долларов. Цена полного курса значительно дороже — пять тысяч долларов!

— Неужели их покупают? — спросите вы. Еще как! Люди влезают в долги, чтобы стать миллионерами; впадают в нищету, чтобы разбогатеть. Тарнеровское предложение — грамматический нонсенс и психологический шедевр — пользуется огромным спросом, который в свою очередь прищипоривает предложение. Купив курс третий — о том, как стать миллионером, вы приобретаете «право» на продажу полного курса с комиссионными в девятьсот долларов в свою пользу. Став обладателем курса четвертого — о том, как стать мультимиллионером, вы получаете «право» на комиссионные в две тысячи долларов. Остановка за малым: найти таких же, как и вы, идиотов и всучить им евангелие от Тарнера. А в идиотах недостатка нет. В Америке почти все хотят стать миллионерами. Только «идиоты» не хотят быть ими. Но это, так сказать, диалектическое противоречие.

Дэйв Кларксон уже на старте подцепил дюжину тепленьких идиотов. Тарнер заметил Кларксона и поставил его у штурвала пропаганды «Позитивного отношения к жизни». Последний в знак благодарности изобрел «Кэш из бест, инкорпорейтед», то есть «Наличными лучше» — систему кредитных карточек (опять диалектическое противоречие!), распространяемых по принципу идей «Смей быть великим».

— Мы уже продали около двадцати тысяч кредитных карточек «Наличными лучше», — с гордостью рассказывал мистер Кларксон гарвардским скептикам, расхаживая вдоль пассажирской кабины лайнера «Фэлкон фэн».

— Просто невозможно понять секрет вашего грандиозного успеха, — пробурчал кто-то из гарвардцев.

— Понимать не надо. Надо верить, — ответил, покровительственно улыбаясь, мистер Кларксон...

Тем временем под крылом «Фэлкон фэна» замаячили пригороды Орlando.

— Это предприятия «Коскот». На их территории могут свободно разместиться четыре футбольных поля. Прошу пристегнуть ремни и погасить сигареты. Мы идем на посадку. Слава великому Тарнеру! Спасибо за внимание! — экзальтированно прошебетала одна из сирен-стюардесс.

По бетонированной дорожке гигантским лампасом струился красный ковер — протокольная привилегия, ко-

торой обычно пользуются главы государств. (В конце концов, в ранце любого слушателя гарвардской Школы бизнеса можно найти герб президента — или Америки, или «Дженерал моторс», что в общем одно и то же. Недаром знаменитое изречение Джексона, президента этой крупнейшей в США корпорации, гласит: что хорошо для «Дженерал моторс» — хорошо для Америки.) Почетный караул состоял из красивейших девушек Орlando, наряженных в рискованные туалеты фирмы «Эмкот» и размалеванных косметикой фирмы «Коскот». «Люди Тарнера — особые люди, и выглядят они по-особому!» — вещал плакат, высоко поднятый над их очаровательными головками в париках фирмы «Фэшкот».

На полшага впереди почетного караула застыли сам Гленн Тарнер Заячья Губа и «мисс Орlando». На Тарнере был его обычный костюм цвета спелого граната, на «мисс Орlando» — норковая мантия, шлейф которой благоговейно поддерживали наши знакомые карлики Джон и Грэг — «66 дюймов на двоих».

— Вам выпала золотая возможность увидеть меня в подлинных масштабах, — обратился к прибывшим Тарнер и простер руку в сторону своего портрета, закрывавшего все здание аэровокзала и добрый кусок неба над ним. (Этот портрет считается «самым большим в мире». Возможно, так оно и есть. Для того чтобы дать читателю некоторое представление о его размерах, скажу: длина одной только заячьей губы составляет полтора метра!)

После освежающих коктейлей гарвардцев погрузили в автобусы фирмы «Транскот» и повезли в штаб-квартиру «неудержимого». Всю дорогу «неудержимый» неудержимо разглагольствовал:

— Я собираюсь совершить прорыв в фармацевтическую промышленность. С этой целью я уже основал фирму «Витакот». Рекламным девизом ее продукции будет: «Полная гарантия безвредности! Хотите — принимайте, не хотите — не принимайте!» Не правда ли, здорово?

Кто-то поинтересовался по поводу источника рекламного вдохновения Тарнера.

— Разумеется, я черпаю его не у дегенератов с Мэдисон-авеню*. В моем родном Мэрионе был торговец

* На Мэдисон-авеню в Нью-Йорке расположены крупнейшие рекламные агентства.

фисташками. Зазывал он клиентов на первый взгляд несколько странным образом: «Купите самые плохие в мире фисташки!» Это интриговало людей. Пакетики с фисташками шли нарасхват. Если фисташки оказывались хорошими, их покупали вновь, если же нет — никто не жаловался. Так будет и с моими витаминами...

Наконец, автобусы фирмы «Транскот» остановились перед парадным подъездом фирмы «Коскот». Сорок гарвардских разбойников вступили в волшебную пещеру «Смей быть великим». Они миновали выставку-экспозицию продукции конгломерата «Гленн В. Тарнер энтерпрайзис, инкорпорейтед». (Надпись над входом гласила: «Эти товары произведены на третьей от солнца планете».) Затем углубились в извилины электронного мозга конгломерата — просторный зал, нашпигованный компьютерами «Интернейшнл бизнес мэшинз» и копировальными станками «ксерокс». Откуда-то сверху лилась нервическая бит-музыка. Прошли кабинетные соты оффисов вице-президентов и директоров и очутились в большой ротонде, посреди которой была вштопорена винтовая лестница, окаймленная мраморным фонтаном. Дальше начинались личные, вернее, лично-служебные апартаменты Гленна Тарнера.

Здесь гарвардских скептиков подвергли вежливому обыску. Руководил процедурой Кларк Стоун, начальник службы безопасности «Коскота» и телохранитель Заячьей Губы.

— В моем «ганге» * тридцать два парня. Все как на подбор. Муха не пролетит. А техника? Ни одно подслушивающее устройство не остается необнаруженным! В случае тревоги высшего порядка мистер Тарнер нажатием кнопки абсолютно герметизирует свою штаб-квартиру, отсекая ее от внешнего мира. Это мы скопировали с фильмов о похождениях Джеймса Бонда...

Визит гарвардцев, да еще по личному приглашению самого босса, не представлял «тревоги высшего порядка». Будущих президентов Соединенных Штатов и «Дженерал моторс» пропустили в святая святых. Перед ними раскрылась анфилада комнат: мраморная гостиная с монументальным камином; гимнастический зал, уставлен-

* Шайка.

ный штангами, гирями и гантелями; парикмахерская об одном кресле; спальная, переходящая в плавательный бассейн и финскую баню... Во всех без исключения комнатах висели огромные портреты Тарнера, украшенные американским флагом и гербом с изображением орла.

У входа в кабинет Заячьей Губы мистер Стоун передал гарвардцев на попечение мисс Коллинз. Еще совсем недавно мисс Ким Коллинз была заурядной косметической с незаурядными формами «конкурсного наполнения». Сейчас она вице-президент международного филиала «Коскот», менеджер фирмы «Фэшкот» и личный секретарь босса. Мисс Коллинз верит в переселение душ. В последний раз мисс была греческой принцессой. Поэтому вместо обычного письменного стола она пользуется античным греческим секретером. Мисс Коллинз верит также в астрологию. Ее кадровая политика диктуется звездами. Для нее гороскопы важнее анкетных данных и деловых характеристик.

— Вам, конечно, это кажется безумием. Ваши аналитические умы не приемлют нашей философии бизнеса,— жеманилась вице-президентша, конкурсно наполняя свои незаурядные формы.

Аналитические умы вежливо улыбались бывшей греческой принцессе...

Поговорив о переселении душ и перенаселении звезд (интересно, под какой звездой родятся в Штатах безработные?), аналитические умы, предводительствуемые мисс Коллинз, перешли в библиотеку Гленна Тарнера.

Библиотека чернокнижника

На книжных полках, задрапированная в кричащие одежды суперобложек, гордо дефилировала философия американизма — коллективная библия свободного предпринимательства и предпринимательских свобод, катехизис ханжества и лицемерия, апология цели, оправдывающей средства, культ успеха любой ценой, включая бесценные духовные и душевные богатства. Кричащие суперобложки выглядели заляпанными не то традиционным яблочно-вишневым пирогом, не то брызгами чело-

веческой крови и мозгов. Они казались тупыми и страшными, как свиные рыла и жерла орудий, веселыми и истеричными, как нервный газ и озноб паралитика. Скованные цепью круговой поруки, стояли «В защиту бизнеса» Ротблатта и «Бог велик» Биллингтона, «Как культивировать привычки преуспевания» Дугласа и «Спасение — в вере» Билли Грэхэма, «Как разбогатеть в условиях душевного покоя» Хилла и «Психокибернетика» Малтца.

Перефразируя известную поговорку, можно смело утверждать: назови мне твои любимые книги, и я скажу, кто ты. Великий французский зоолог, член и даже неперменный секретарь «Академии бессмертных» * Жорж Кювье, пользуясь так называемыми принципами «корреляции органов», разработал метод реконструкции ископаемых форм по немногим сохранившимся фрагментам скелета. Говорят, что по одной-единешенькой косточке неперменный секретарь мог воссоздавать облик гигантских динозавров и ихтиозавров. Бегло перелистав книги из библиотеки Тарнера или хотя бы пробежав глазами по их корешкам, можно, даже не будучи членом «Академии бессмертных», восстановить каркас Заячьей Губы и общества, в котором он процветает.

В данном случае принципы «корреляции органов» вполне укладываются в мудрость, гласящую: «Всяк человек должен сам содрать себе скунсовый мех». Эта американская пословица, которая коррелирует, то есть соотносится, с пословицей «Всяк человек — кузнец своего счастья», как живодерня с кузницей или ножовка с молотом, не ставит точки над «и», не расшифровывает, с кого следует сдирать шкуру. Впрочем, сие и так ясно.

Скольким взглядом по корешкам тарнеровских книг. «Как заработать на финансовом кризисе». Полезное пособие. Акции летят вверх тормашками, их обладатели, как правило мелкие, — в тартарары, доллар сморщивается, как шагреновая кожа, а ты, знай, сдираешь себе скунсовый мех, то есть дерешь шкуру, а то и семь шкур со своего ближнего и не так чтобы уж очень ближнего. А если последнему это не по вкусу, что ж, о вкусах не спорят.

* Так по традиции называют Французскую академию.

Для строптивых на полках тарнеровской библиотеки стоит другая книга — «Если дела не поправятся вскоре, я вынужден буду просить вас об увольнении». Можно, впрочем, и не просить. Мистер Тарнер и сам знает превосходно, кого и когда увольнять. Трагический парадокс капиталистического общества состоит в том, что даже безработные работают на предпринимателей: служат резервной армией потенциальных штрейкбрехеров, дамочловым мечом над зарплатой оставшихся при деле, кнут, еще более подстегивающим потогонную систему.

Полка расхожей мудрости. На все случаи жизни. Вот рядышком соседствуют два тома. Первый — «Западня заорганизованности». Тарнеру она не грозит. Он скользок, как угорь, и гибок, как лоза или женщина-каучук из цирка шапито. И тем не менее рядом с «Западной», написанной, конечно, не Эмилем Золя, стоит еще одна книжка — «Как избежать западни». А для дополнительного запаса прочности — «Как покинуть тонущий корабль», «Аварийный выход, чтобы остаться хозяином самого себя», «Возьми себя в руки» и, наконец, «Как поверить в собственное «я». Этот метод помог мне. Поможет он и тебе».

Тонущий корабль надо понимать в переносном смысле — речь идет о банкротствах, а не о навигации. Аварийный выход — советы владельцам компаний, которым грозят поглощение, слияние и прочие пищеварительные функции конкурентной борьбы. Правда, аварийный выход не гарантирует от исчезновения в стихии конкуренции. Ты берешь себя в руки, а тебя берут за горло. Дыхание прекращается, руки опускаются. Да и метод веры в собственное «я» помогает не всем. Недаром наряду с процветающим «я» Тарнера существуют, вернее, влачат жалкое существование десятки тысяч пущенных им на ветер «мы».

Тарнер, разумеется, не монополист по части подобного деления местоимений. Вот биографии нефтяных королей Америки — Джона Д. Рокфеллера, основателя династии, и Жана Поля Гетти, носящего неофициальный титул «самого богатого человека в мире».

Сначала цитата из Рокфеллера, помеченная 1907 годом: «Несомненно, что сегодня для молодых американских парней возможности велики, как никогда раньше.

И ни один из этих парней не имеет права отчаиваться, на какой бы низкой общественной ступени он ни находился — будь он босоногим деревенским сопляком, жалким продавцом газет или детищем ночлежек. Я вижу в каждом из них бесконечные возможности, для каждого из них бесконечные перспективы. Пусть они овладеют секретами экономики, будут бережливыми и честными. И успех обеспечен». Видите, как все просто!

Спустя почти полстолетия Жан Поль Гетти, не опасаясь быть обвиненным в плагиате, заявляет: «Существует огромное количество примеров, которые доказывают, что ныне молодежь, обладающая воображением, предприимчивостью и динамизмом, располагает большими возможностями добиться богатства и успеха в бизнесе, чем когда-либо раньше в нашей истории».

Повторяю, между этими высказываниями пролегли полвека. Миллионы молодых людей сложили головы, защищая чуждые им интересы Рокфеллеров и Гетти. Многие миллионы молодых людей гнули спины, чтобы приумножить их миллиарды. Росли не возможности американской молодежи, а прибыли американских монополий. Парни, обладающие воображением, предприимчивостью и динамизмом, не могут получить образование, а получив его, не могут получить работу. Недаром в Соединенных Штатах, вступивших в год своего двухсотлетия, безработица среди молодежи почти вдвое превышала средний уровень.

Нетрудно предсказать: когда Тарнер доживет до мафусаилова века Рокфеллера и тем более Гетти, он по традиции повторит их похвальное слово молодежи и возможностям, которые открывает перед ними американский образ жизни. (Правда, Тарнер занимается этим и сейчас. Но пока его посулы — экономические обещания, а традиционно-эстафетное «Подводя итоги» будет политическим завещанием.)

Но суть фокуса в том, что, пока существуют Гетти и Тарнеры, люди, независимо от их возраста, не могут рассчитывать на достойное человека существование. Для этого прежде всего необходимо смести с книжных полок истории авторов библии эксплуатации человека человеком.

...Корешки книг тарнеровской библиотеки. «Как огра-

бить банк». Это уже не болтовня, а дело. Впрочем, сам Тарнер банки не грабит, сейфы не вскрывает. Ведь он не медвежатник, а Заячья Губа, не гангстер, а бизнесмен. Он не натягивает на свое лицо нейлоновые чулки; он демонстрирует его всеми способами, до которых только додумалась современная реклама. «Как ограбить банк», видимо, легкое чтение, детектив, нечто такое... для разнообразия.

Разнообразие? Банкир родит бандита, писал Максим Горький о подобных метаморфозах. Бывает и наоборот. В библиотеке Тарнера наряду со специальной литературой кое-где вкраплена литература художественная. Марио Пьюзо, «Крестный отец». Размышления главного героя, одного из королей американской мафии: «Великая депрессия увеличила власть Вито Корлеоне. Более того, как раз именно в это время его стали величать доном Корлеоне. Повсюду в городе* честные люди тщетно молили о честной работе. Гордые люди шли на унижение ради своих семейств, принимая официальную благотворительность от высокомерных официальных властей. А вот люди дон Корлеоне прохаживались по улицам с высоко поднятой головой, с карманами, туго набитыми бумажными ассигнациями и серебром, не ведая страха остаться без работы. И даже дон Корлеоне, самый скромный из людей, не мог не испытывать чувства гордости. Он заботился о своем мире, о своих людях».

Откиньте упоминание о скромности, и вы получите портрет Тарнера. Банкир родит бандита и наоборот. Недаром гангстерские синдикаты имеют структуру финансовых корпораций, а финансовые корпорации — натуру гангстерских синдикатов.

Можно представить себе, точнее, невозможно представить себе возмущение Заячьей Губы, если он прослышит о том, что его сравнивают с боссом «Коза Ностры».

Впрочем, справедливости ради надо сказать, что и дон Корлеоне был бы крайне оскорблен сравнением с Тарнером. Дон Корлеоне по крайней мере держал свое слово и посылал своих детей в Гарвардский университет. А если строчил, то из «Томпсона»**, а не на швей-

* Речь идет о Нью-Йорке.

** Ручной пулемет-автомат — излюбленное оружие американских гангстеров.

ных машинках «зингер». В общем же оба они одним миром мазаны, безумным миром стяжательства и насилия: деньги хранят в одних и тех же банках, соперников хоронят на одних и тех же кладбищах. И тот и другой объявлены вне закона для формы. И тот и другой стоят над законом, по существу.

...Корешки книг тарнеровской библиотеки. Афоризмы Рассела Конуэлла. «Я говорю, что ты обязан стать богатым. И это твой долг стать богатым». Долг сей платежом красен. Еще афоризм: «Разрушь свой дом и на сокровища, найденные в его фундаменте, построй тысячи новых домов». Тарнер разрушает судьбы тысяч людей и строит на фундаменте их несчастья свой волшебный замок. Афоризм-самогипноз: «Пока ты жив, каждое утро перед подъемом и каждый вечер перед сном зажмурь глаза, сконцентрируй внимание и повторяй двадцать раз подряд, механически шевеля только губами — это обязательно, — одну и ту же фразу: «С каждым днем во всех отношениях я становлюсь все лучше и лучше». При этом не следует думать ни о чем конкретном, ибо слова «во всех отношениях» приложимы ко всему». Мы уже достаточно хорошо знаем, к чему прилагает их Гленн Тарнер, совершенствующий изо дня в день разработанную им систему околпачивания людей.

...Корешки книг тарнеровской библиотеки. Самоучители успеха, словно это азбука или бицепсы, иностранный язык или каратэ. Путеводители для искателей счастья, словно это политехнический музей или картинная галерея, туристический маршрут или схема метрополитена. «Американское представление об успехе». Автор — Ричард Губер, издательство «Макгроу-Хилл», цена десять долларов. Содержание в двух словах: если ты хочешь добиться успеха в Америке, то самая подходящая стартовая площадка для этого — покосившийся навес на заброшенном пляже или нора в городских трущобах. Те, кто стартуют с роскошных вилл и фешенебельных особняков, находятся в куда более неблагоприятном положении. Блажен, кто верует в эту десятидолларовую философию Ричарда Губера, кто способен не замечать династий двухсот семейств, управляющих Соединенными Штатами, кто способен отыскать хотя бы одного рабочего или фермера в конгрессе США.

Плечом к плечу с «Американским представлением об успехе» трехтомная антология «Апменшип». Автор — Стефен Поттер, издательство «Холт, Райнхарт энд Винстон», цена пять долларов. Что такое «апменшип»? Не ищите его в англо-русском словаре, составленном профессором Мюллером. Все равно не найдете. Этого слова нет даже у Вебстера. «Апменшип» — понятие, простите за выражение, «модерновое», хотя, по существу, оно столь же древнее, как и латинская поговорка «Человек человеку волк». Да и говорит оно приблизительно о том же. Сам автор объясняет изобретенный им термин следующим образом: «апменшип» — это социологическое дзю-до, кодекс приемов, с помощью которых вы можете употребить себе на пользу естественные слабости вашего оппонента.

Том первый — «Теория и практика апменшипа, или искусство выигрывать, почти не жульничая». Как раз для Тарнера, но только без «почти не». Том второй — «Апменшип, или искусство вывернуться, чтобы тебя не вышвырнули». Тоже весьма полезно. И наконец, третий том, заголовок которого непереводим. Ни на русский язык, ни на человеческий. Главным стержнем третьего тома специалисты считают следующий трюк: если кто-нибудь, а тем более ваш конкурент пространно рассуждает о материях, в которых вы не смыслите ни бельмеса, то ни в коем случае не признавайтесь в своем невежестве, а просто перебивайте собеседника стереотипной фразой: «Да, но только не на Юге...»

Из моря галиматьи неожиданно всплывает Эпикур: «Тщетно молить у богов то, что человек может добыть себе сам». Мог ли предполагать великий античный философ, сын афинского клеруха Неокла, ученик Демокрита и друг Геродота, что он окажется в подобной компании! Видимо, Заячьей Губе пришлось по душе тезис греческого мудреца, гласящий, что начало и конец счастливой жизни — удовольствие. Подозреваю, даже уверен, что за пределами этой фразы любой разговор с Тарнером об Эпикуре будет то и дело прерываться магической формулой: «Да, но только не на Юге...»

А вот это вполне по зубам Заячьей Губе. Бэртон Перри, «Пуританизм и демократия»: «Человек низкого происхождения, окруженный в годы своей юности всеми

мыслимыми помехами невежества и материальной нужды или даже слабого здоровья, если он исключительно благодаря своим моральным качествам взойдет на вершину богатства, может служить образцом для устремлений молодого поколения. Его процветание мы приемлем без чувства возмущения». Знакомый мотив!

...Корешки книг тарнеровской библиотеки. Две тысячи томов «Как» и всего лишь девять — «Как не». Как разбогатеть. Как не разориться. Как преуспеть. Как не опуститься. «Как...» должно преобладать над «Как не», ибо Америка — страна позитивных акций, страна, герои которой до предела, до накала заряжены позитивными эмоциями. Позитивные акции — делание денег, позитивные эмоции — жажда денег.

Самое знаменитое «Как», выдержавшее сто изданий. Тираж — восемь миллионов экземпляров. Автор — Дэйл Карнеги. Полный заголовок — «Как приобретать друзей и влиять на людей». Это «Как» существует не только в виде книги. Имеются специальные трехмесячные курсы того же Дэйла Карнеги, где можно ускоренными темпами научиться приобретать друзей (нужных) и влиять на людей (тоже нужных). Заключительный урок курсов Карнеги — двухминутный спич о том, как — опять как! — ты приумножил свой энтузиазм и что произошло с тобой в результате этого. Вы скажете, бред? Да, но курсы Карнеги посещают в Соединенных Штатах полтора миллиона человек! Каждому хочется приобретать и влиять. Каждый жаждет энтузиазма. Хотя бы двухминутного.

Курсы Карнеги помогают плутовству Тарнера. Разница небольшая, чисто формальная. Карнеги предписывает произносить двухминутный спич спокойным, ровным голосом, ибо, поучает он, не следует смешивать энтузиазм с шумом. Сам Вебстер, верховный жрец английского языка, расшифровывая понятие «энтузиазм», нигде ни словом не упоминает о шуме, реве, гвалте, свисте, топанье ногами. Энтузиазм должен зародиться в глубинах души, подниматься изнутри. Динамичного Тарнера — недаром он «неудержимый» — это уже не устраивает. Ему нужен энтузиазм с пиротехникой, с рекламной шумихой, с ревом толпы, с топаньем ногами, чтобы земля тряслась. И не на две минуты, а непрерывно, непрерывно...

Непрерывно, непрестанно одурманивают американца. Великий и благородный «поиск счастья», провозглашенный двести лет назад в Декларации независимости «отцами-основателями», выродился в погоню за наживой, а синонимом счастья стало богатство. Менялы завладели храмом. «Таков уж он, наш американский образ жизни,— пишет журнал «Харперс».— Каждый пытается карабкаться вверх по лестнице: низшие слои хотят стать средними, средние — высшими. И все хотят иметь больше, загребать больше. Для одних небо — громадный пирог, на самом большущем куске которого кремом выведено их имя. Для других мир — большая устрица, ее надо вскрыть и завладеть самой тяжелой жемчужиной... Многие наши предтечи наивно предполагали, что деньги — это благо, которым вознаграждает тебя всевышний за упорный труд. Другие считали, что деньги — это благо, которым всевышний вознаграждает только богатых. Так считали и считают сами богатые. Более того, они обнаружили, что, если они начнут обещать менее удачливым пирог в небе и вымощенные золотом улицы, то последние будут трудиться еще упорнее». На богатых, разумеется.

Цинично, но, по крайней мере, откровенно.

Среди преступлений, совершенных капитализмом,— а им несть числа — понятие счастья, вздернутое на дыбу наживы, одно из наиболее омерзительных. Золото не ржавеет — ржавеют души, поклоняющиеся золотому тельцу. Похищенный мифологическими аргонавтами, он вновь воссиял в руках Тарнера и ему подобных, чтобы люди, говоря словами гётевского Мефистофеля, гибли за металл. Непрерывно, непрестанно.

В погоне за журавлем в небе простой американец зачастую выпускает из поля зрения дела земные, и тут его, как тетерева на току, можно брать голыми руками. Обычно, когда он возвращается к действительности, бывает уже поздно. Дверь клетки захлопнулась. Ключ повернут.

«Каждый маленький оборванец мечтает стать президентом или Джоном Джэкобом Астором *. Это — сладкий сон, пока ты находишься в его объятиях. Но каково разочаровывающее пробуждение! Какова взвинченная, беспо-

* Один из богатейших людей Америки.

койная, лихорадочная жизнь, попусту потраченная в погоне за миражами!.. Америка — великая страна. Она была и может быть впредь преуспевающей. И тем не менее ее никак нельзя назвать по-настоящему счастливой».

Эти слова сказаны не сегодня и не вчера. Они принадлежат историку Томасу Никольсу и взяты из его книги «Сорок лет американского образа жизни», опубликованной в 1864 году. (Этой книги, естественно, нет в библиотеке Тарнера. Она не его поля ягода.) С тех пор прошло более ста лет, и Америку по-прежнему нельзя назвать по-настоящему счастливой, ибо в этой великой стране по-прежнему преуспевают тарнеры...

В течение многих десятилетий в Вашингтоне на скамейке парка Лафайет-сквер как раз напротив Белого дома сиживал старичок. Во всяком случае, никто не помнит его молодым. Звали его Бернард Барух или «старина Берни» (для тех, кто был с ним запанибрата). Он тоже давал советы. Не сопливым чистильщикам сапог, не обитателям трущоб и гетто, не разносчикам газет — оборванцам, мечтающим стать президентами и королями свиной тушенки, а реальным, настоящим президентам и королям.

Первые имели обыкновение пересекать Пенсильвания-авеню, захаживать в Лафайет-сквер, присаживаться на скамейку, облюбованную «старинной Берни», и спрашивать его мудрого совета — а был он мудр, как сова, и внешне тоже очень походил на эту ночную птицу, — как бороться с депрессией, как выскочить из водоворота инфляции, как увековечить ядерную монополию Соединенных Штатов. Приезжали к нему финансовые короли с нью-йоркского Уолл-стрита, короли свиной тушенки из Чикаго, стальные короли из Питтсбурга, короли нефти из Техаса. И «старина Берни» всем им давал советы и брал за них миллионы. И советы мудрой совы, обитавшей в Лафайет-сквере, сводили на нет советы авторов всех двух тысяч «Как» и девяти «Как не». Они были из другой оперы, для другой аудитории, для иных ушей.

Соплякам чистильщикам сапог и оборванцам разносчикам газет советы Баруха были не по карману, да и ни к чему. Великий комик времен «Великого немого», соперник Чаплина и Китона Харпо Маркс с едкой иронией вспоминал:

— Много, много лет назад один очень мудрый человек по имени Барнард Барух отвел меня в сторону, обнял за плечи и сказал:

— Харпо, мой мальчик, я хочу дать тебе три совета, три наставления, которые ты должен всегда помнить.

— Мое сердце,— продолжал Харпо Маркс,— трепетно забилось. Я весь пылал от нетерпения и ожидания. Ведь мне выпало великое счастье услышать из уст самого верховного жреца магическую формулу, открывающую путь к богатству и сказочной жизни!

— Ну, ты готов, Харпо, мой мальчик? — спросил Барух.

— О да, сэр! Я весь внимание.

И Барух поведал Марксу тайну трех магических формул. Но Маркс не разбогател. Почему?

— К сожалению, я забыл советы Баруха,— притворно сокрушался великий комик времен «Великого немого» и улыбался своей неповторимой улыбкой, одновременно лукавой и грустной...

Ядовитые семена Гленна Тарнера падают на благодатную почву и дают неблагоприятные всходы потому, что эта почва уже разрыхлена, удобрена, полита и возделана философией американизма. В одиночку Заячья Губа, несмотря на всю свою неудержимость, энтузиазм и динамизм, не справился бы. Массовый гипноз похож на бой быков, с той только разницей, что функцию красного плаща матадора выполняет зеленый доллар. Матадор лишь ставит точку — закалывает быка, уже заранее «подготовленного» усилиями многочисленных пикадоров и бандерильеров. Тушу убитого быка поддевают железными крюками и тащат на живодерню. Пикадоры и бандерильеры довольствуются требухой, а матадору достаются цветы, аплодисменты, улыбки, гонорар и поклонение толпы.

Крестный отец

...Корешки книг тарнеровской библиотеки. Они выстроились, словно пикадоры и бандерильеры, чтобы «подготовить» для заклания очередного быка.

Особое место занимает среди них восьмитомное сочинение чикагского мультимиллионера Клементя Стоуна

«Система успеха, которая никогда не дает осечки». (Автоматические ружья М-16 в руках солдат из роты лейтенанта Колли в Сонгми тоже не давали осечки.) Здесь нам придется несколько задержаться и сказать пару слов об авторе «Системы», ибо Клемент Стоун — крестный отец (без кавычек) Гленна Тарнера, или, как любит щегольнуть библейскими параллелями Заячья Губа, «мой Иоанн Креститель».

Итак, перенесемся на время из Орландо, штат Флорида, в Чикаго, штат Иллинойс.

Там, на берегах великого озера Мичиган, воспетого в романах Купера и рассказах Хемингуэя, его называют «председатель Стоун». Сам Стоун, мистер В. Клемент Стоун, нисколько против этого не возражает. Скорее наоборот. Но, назвавшись председателем, он хочет быть им во всех отношениях, хочет быть последовательным до конца. Поэтому мистер Стоун объявил себя идеалом, точнее, идеальным экземпляром осуществления знаменитой «американской мечты». Объявил с полным на то основанием.

Родился Стоун в чикагских трущобах. Мать его рано овдовела, и будущий председатель рос в обстановке крайней нищеты. Он до сих пор любит вспоминать в воспитательных целях, как, уцепившись за подол вдовы-швей, клянчил у нее медные гроши на жевательную резинку и маринованный укроп. В шесть лет коротышка Клем стал уличным продавцом газет. (Непременная ступень в восхождении к вершинам «американской мечты» для любого мало-мальски уважающего себя мультимиллионера.) Из школы его выставили, что тоже вполне соответствует мифам о том, как создаются миллионеры. В тринадцать лет Клем уже прочел и выучил назубок полное собрание сочинений Горацио Элджера. (Гибрид попа Гапона, «Ханжи» Беранже и гоголевского Манилова.) Получив столь солидную теоретическую закалку, Клем переключился с продажи газет на продажу страховых полисов. И было ему тогда всего шестнадцать лет.

Быстро сказка сказывается — долго дело делается. Сейчас коротышке Клему за семьдесят. Он является основателем, президентом и, конечно, председателем «Комбайнд иншурэнс компани оф Америка». Его личное со-

стояние оценивается в четыреста миллионов долларов. Он носит тонкие усики а ля Дуглас Фэрбенкс и курит толстые гаванские сигары «докастровского периода». Стоуна называют «самым малоизвестным из самых богатых» в Соединенных Штатах. Это одновременно и справедливо и несправедливо. Справедливо, поскольку соответствует действительности. Несправедливо, поскольку мистер Стоун заслуживает самого широкого публичности.

Для того чтобы стать полноценным председателем, недостаточно быть только идеалом-солнышком. Необходимо также иметь идеи-лучи. У мистера Стоуна они в изобилии. Им-то он как раз и обязан своим прозвищем. Правда, эти идеи-афоризмы и цитаты еще не изданы в виде карманных книжечек, но они уже украшают в качестве плакатов и лозунгов чикагскую штаб-квартиру «Комбайнд иншурэнс компани оф Америка» и ее отделения по всей стране и даже за пределами оной.

Вот некоторые из них: «Богатство — власть», «Богатство — добро», «С помощью денег ты можешь творить добро. Твои горизонты расширяются», «Всякая невыгода уравновешивается выгодой».

Мистер Стоун утверждает, что он выстрадал эту мудрость, что она — квинтэссенция его личного житейского опыта. И он совершенно прав. Богатство дало ему огромную власть. Всякая невыгода для его конкурентов уравновешивается выгодой для него. И он творит добро, расширяющее, правда, не горизонты вообще, а деловые горизонты, и не деловые горизонты вообще, а исключительно коротышки Клема.

Чтобы избавиться раз и навсегда от неприятной процедуры уплаты налогов, председатель Стоун, например, основал филантропический фонд помощи умственно дефективным. И здесь не обошлось без цитаты. «Я помогаю только тем, кто сам себе помогает», — гласит она. Любопытно, как помогают самим себе умственно дефективные? Или председатель Стоун и впрямь возомнил себя Председателем, одного прикосновения к цитатнику которого вполне достаточно для врачевания любой болезни?

Кстати, феерический взлет Стоуна был вызван тем, что он стал торговать страховками от несчастных слу-

чаев и на случай смерти, не требуя от будущих клиентов предварительного врачебного освидетельствования. И на этот счет у председателя Стоуна имеется подходящая цитата: «Мы платим даже тогда, когда ваше сердце разбито». Эту цитату обязаны знать наизусть все три тысячи пятьсот стоуновских коммивояжеров. Он приказывает им обходить здания — от подвального этажа до верхотуры — и стучаться во все двери. «Разбитых сердец много», — поучает председатель-сердцевед.

Коммивояжеры за спиной шефа называют подобную тактику «холодной агитацией». Сам он окрестил ее «золотой». (По-английски «колд» — холод, а «голд» — золото.) Шутка, повторяю, отпускается исключительно за спиной шефа, ибо в противном случае с разбитым сердцем может оказаться сам шутник, осмелившийся пародировать идеи председателя Стоуна. Его мигом выставят за дверь, в которую ему уже больше никогда не достучаться.

Хотя некоторые председатели и любят сравнивать себя с красным солнышком, появляются они на людях далеко не с регулярностью небесного светила. В этом смысле не составляет исключения и председатель Стоун. Он ходит на работу лишь раз в неделю. Для того, чтобы вдалбливать в головы своих подчиненных новые цитаты и проверять, как усвоены ими старые. (Совокупность всех своих идей Стоун называет «Позитивным умственным отношением», или сокращенно ПУО.)

Единственный рабочий день председателя Стоуна выглядит, приблизительно, так. Утром он поднимается в свой роскошный оффис в лифте, украшенном плакатом: «Если хочешь быть счастливым — будь им!» (Почти по Мао Цзэ-дуну и Козьме Пруткову.) Затем проходит в свой кабинет, садится в кресло с высокой спинкой, снимает галстук-бабочку, расстегивает воротничок и закуривает очередную «докастровскую» гавану, Пуская дым в потолок, наш председатель совершает ритуальное поглаживание магического кольца, насаженного на средний палец правой руки. Поглаживание кольца сопровождается заклятием: «Я есть! Я могу! Я сделаю! Продавать! Продавать! Продавать!» Покончив с шаманством, докурив сигару, которая помогает ему сосредоточиться на ПУО, председатель Стоун переходит в конференц-зал,

где в ожидании явления народу председателя — красного солнышка уже млеют и томятся его подчиненные.

— Как вы себя чувствуете? — обращается он к аудитории.

— Я чувствую себя здоровым! Я чувствую себя отлично! Я чувствую себя просто великолепно! — хором отвечают страховые агенты.

Эта игра в вопросы и ответы повторяется несколько раз. Наконец, убедившись в здравии и великолепном самочувствии своих подчиненных, председатель Стоун переходит к ПУО.

— Позитивное умственное отношение, — говорит он, — сделало меня таким, каков я есть сейчас. И в этом лучшее доказательство реальности американской мечты. И каждый из вас может повторить мой успех, если будет упорно трудиться, жить в воздержании и внимательно изучать издаваемый мною журнал «Безграничный успех».

Под конец нравоучения председатель Стоун вновь осведомляется:

— Как вы себя чувствуете?

— Я чувствую себя здоровым! Я чувствую себя отлично! Я чувствую себя просто великолепно! — стараются изо всех сил коммивояжеры.

Мистер Стоун доволен. Он застегивает воротничок сорочки, завязывает галстук-бабочку и сует в рот «докастровскую» гавану. Затем в лифте, украшенном плакатом: «Если хочешь быть счастливым — будь им!», господин председатель спускается вниз и покидает свой оффис. Остальную часть недели мистер Стоун посвящает дальнейшему обогащению ПУО, в то время как его 3500 страховых агентов и 23 тысячи держателей акций «Комбайнд иншурэнс компани оф Америка» трудятся в поте лица своего ради обогащения господина председателя. Как говорится, кесарю кесарево, а богу богово. (Ведь подобное разделение труда вполне в духе коротышки Клема и его «Позитивного умственного отношения» к жизни.)

Науки мистера Стоуна питают не только юношей-коммивояжеров. Его филантропическая деятельность распространяется не только на умственно дефективных. Господин председатель с высоты своих четырехсот миллионов долларов проталкивает ПУО в самые сокровен-

ные закоулки вашингтонских коридоров власти. Стоун — крупнейший вкладчик в избирательную казну республиканской партии. (В данном случае — в отличие от фонда помощи умственно дефективным — девиз Стоуна звучит несколько по-иному: «Я помогаю только тем, кто помогает мне».)

Во время выборов в конгресс в 1970 году Стоун истратил около миллиона долларов на поддержку республиканских кандидатов в сенат. Это он оплатил счета за знаменитые телевизионные выступления республиканских лидеров в Канзасском университете, в которых воспевались законность и порядок и клеймились студенты-бунтари. (Законность и порядок — краеугольные камни ПУО председателя Стоуна.)

В 1972 году мистер Стоун активно финансировал президентскую кампанию «великой старой партии». С ее кандидатом и лидером господина председателя связывали давнишние отношения. Впервые Никсон и Стоун сошлись близко в качестве попечителей «Клуба американских бойскаутов». После поражения Никсона на президентских выборах 1960 года и на губернаторских выборах 1962 года в Калифорнии, когда он намеревался окончательно уйти с политической арены, Стоун настоятельно советовал ему не делать этого. Он даже подарил Никсону свою книгу «Успех посредством позитивного умственного отношения» с собственноручной дарственной надписью и искренне считает, что она сыграла решающую роль в возвращении Никсона из джунглей Уолл-стрита в покои Белого дома.

Что касается влияния книжки Стоуна на судьбы республиканской партии, то оно, конечно, несколько преувеличено авторским самолюбием господина председателя. Но вот об его чековой книжке этого уже никак не скажешь. В качестве иллюстрации приведу следующий эпизод. После победы на съезде республиканцев в Майами-бич (1968 год) Никсон специально позвонил Стоуну в Чикаго и спросил верховного жреца ПУО, что он думает о Спиро Агню как о возможном кандидате в вице-президенты? Первая реакция Стоуна не отличалась особой оригинальностью. «Кто такой Спиро?» — осведомился он. Получив ответ, Стоун пришел в восторг, одобрил выбор Никсона, а впоследствии (народ должен знать своих ге-

роев) даже издал книгу о жизни и взглядах Агню, столь близких его собственным. «Теперь никто уже не спрашивает: кто такой Спиро», — горделиво замечал Стоун, впадая по привычке в транс авторского самолюбия.

После победы республиканцев Стоуну был с благодарностью предложен пост министра по делам здравоохранения, образования и социального обеспечения. Пусть, мол, господин председатель распространяет свое «Позитивное умственное отношение», так сказать, на всю Америку — от океана и до океана! Однако господин председатель скромно, но с достоинством отказался от министерского портфеля. Ведь он красное солнышко, а не простой смертный! «Я могу творить добро, даже не будучи членом кабинета, — объяснял Стоун свой отказ. — Когда меня осеняет какая-нибудь плодотворная идея, я просто набираю номер телефона соответствующего министра, по департаменту которого эта идея должна быть претворена в жизнь». Ясно и просто, без бюрократических проволочек и кабинетных прений...

И вообще мистер Стоун любит сравнивать себя с покойным финансовым гением Бернардом Барухом, без советов которого не обходился ни один американский президент, правивший на его долгом веку. «Я как Берни. У меня свои каналы связи с Белым домом», — говорит господин председатель.

Отказавшись от поста министра по делам здравоохранения, образования и социального обеспечения, мистер Стоун тем не менее пристально следит за телесной и духовной чистотой американской нации. Выступая в Иллинойском университете, попечителем которого он изволит быть уже не один год, Стоун призывал «очиститься от скверны леваков — от всех этих «черных пантер» и «студентов за демократическое общество». Только так мы можем перестроить наше образование и превратить обыкновенных американцев в подлинных суперменов!» — патетически восклицал коротышка Клем.

Столь по-гуверовски позитивное умственное отношение господина председателя к проблемам образования вызвало шумное недовольство аудитории, состоявшей из профессорско-преподавательского состава университета. На красное солнышко стали шикать, и ему пришлось покинуть кафедру. Но, прежде чем закатиться, красное

солнышко успело бросить во взбудораженное море голов очередной афоризм, окрашенный всеми цветами радуги ПУО.

— По-видимому, обучение нации должно начаться с обучения самих учителей!

...Среди ближайших друзей мистера Стоуна числится преподобный доктор Норман Винсент Пил, личный духовник экс-президента Никсона и один из идеологов «американизма».

— Старина Клем,— говорит преподобный Пил,— самое совершенное воплощение, самый совершенный продукт американской мечты.

Да, старина Клем — это и впрямь то, что доктор Пил прописал. Алтарь в его нью-йоркской церкви «Марбл коллегнейт» украшен изречением: «Если ты увидишь кого-нибудь без улыбки, то отдай ему свою». О происхождении этого изречения догадаться не столь уж трудно. Оно или из Библии, или из ПУО председателя Стоуна.

Правда, сам председатель этого принципа не придерживается. Увидав в своем офисе неулыбчивое лицо, он, как правило, увольняет его обладателя. Поэтому все вынуждены улыбаться со скрежетом зубовным. И господин председатель, видя вокруг столько счастливых лиц (3500 страховых агентов и 23 тысячи акционеров), воскуряет себе, словно «докастровскую» гавану, фирмам за осуществление американской мечты не на небе, а на нашей грешной земле...

Комедия вознесения

Однако нам пора возвращаться из Чикаго, штат Иллинойс, в Орландо, штат Флорида, из штаб-квартиры Клемента Стоуна в библиотеку Гленна Тарнера, тем более что нас заждались гарвардские скептики, да и, наверное, читатели тоже. Мы их покинули, если помните, у книжных полок с восьмитомником председателя — «Система успеха, которая никогда не дает осечки». (Автоматические ружья М-16 в руках солдат из роты лейтенанта Колли в Сонгми тоже не давали осечки. Они били наверняка, точно в цель.)

Над книжными полками во всю стену висел в форме

звездно-полосатого флага плакат: «Хелло, ты помнишь меня? Я твой флаг!» Звездочки на флаге, бегущие по полоскам, напоминали перфорированную ленту биржевого телетайпа и прошитую пулями человеческую мишень...

Из библиотеки гостей повели обратным путем в ротонду. Их рассадили вокруг мраморного фонтана, а сверху — по винтовой лестнице — началось сошествие тарнеровской камарильи: бывших ничтожеств, ставших хозяевами жизни в результате «позитивного отношения» к ней. Джентльмены появлялись один за другим; Тарнер представлял их — имя, фамилия, должность, доходы. Повинуясь мановению руки босса, джентльмены, улыбаясь, исчезали, уступая место следующим. Казалось, Заячья Губа дирижирует парадом манекенов.

Гости взирали на парад молча; подданные империи Тарнера бешено аплодировали, прыгали, хлопали в ладоши.

— Фантастично! Невероятно! Потрясающе! — орали они.

Когда крестный ход с винтовой лестницы закончился, Гленн Тарнер вскочил на два кресла и, балансируя между ними, стал дирижировать хором своих директоров и вице-президентов:

Thunder! Thunderation!

We're the Turner generation! *

Затем «тарнеровское поколение» принялось скандировать инициалы Заячьей Губы:

— Г.В.Т.! Г.В.Т.! Г.В.Т.!

Аналитические умы из Гарварда со все возрастающим изумлением взирали на это коллективное умопомешательство. Вскоре изумление переросло в неловкость. Аналитические умы, будучи аналитическими умами, видимо, осознали, что наблюдают пародию на самих себя, свое жизненное кредо, обнаженное и доведенное до абсурда, видят хамелеона, утратившего способность к мимикрии, если не считать за таковую свинство и обезьянничанье.

Когда вакханалия нуворишей наконец выдохлась и выплеснулась, словно бутылка теплого шампанского, вперед выступил мистер Ли Бэйли, правая рука Гленна

* Гром, гром и молния, тысяча чертей! Мы тарнеровское поколение!

Тарнера, главный юрисконсульт его концерна, член совета директоров «Коскот» и «Смей быть великим», руководитель «Американского института гипноза» и адвокат палача вьетнамской деревни Сонгми капитана Медины.

Мистер Ли Бэйли прочел гарвардским скептикам лекцию, озаглавленную так: «Законные ответвления неортодоксального бизнеса». Суть ее сводилась к элементарным частицам частнособственнического мироздания, вроде: не пойманный — не вор, не обманешь — не продашь и так далее. Лектор с нескрываемым возмущением описывал хождение по мукам своего великого клиента, которого жаждут упрятать за решетку генеральные прокуроры почти всех штатов Америки, и с нескрываемым восхищением распиная о тарнеровских победах над правосудием с его, мистера Ли Бэйли, скромной адвокатской помощью.

— Место Гленна и Эрнеста * не в тюрьме, а на скрижалях истории! — восклицал всеамериканский гипнотизер.

Его ораторские хитросплетения, его «законные ответвления» опутывали аудиторию щупальцами спрута, в тисках которых постепенно исчезала и без того трепетно субтильная разница между неортодоксальным бизнесом и ортодоксальным грабежом. Покончив с методами групповой кастетной хирургии, Ли Бэйли перешел к методам культивирования привычек преуспевания путем гипноза и самогипноза:

— Все наше общество сверху донизу нуждается в допинге. Деньги — домкрат, поднимающий человеческий дух. Страсть к деньгам — квазигипноз, открывающий людям наивысшую реальность. Когда мы, раздирая горло, орем «ММММООННЕУ!», то это крик новорожденного или вновь обращенного. Этим криком мы заявляем о себе, о своем существовании, о своих мечтах и чаяниях. Кто не думает о деньгах, тот не думает вообще. Деньги — цель и средство, деньги — альфа и омега, деньги — начало и конец. «ММММООННЕУ!»

Вечер закончился небольшим концертом, который дала рок-группа «Сестры во Христе», подвизающаяся в фирме «Саундкот».

* Имя капитана Медины.

Когда гарвардские аналитические умы ехали в отведенные им номера мотеля «Эдвенчурер-иннс», из автобусов фирмы «Транскот» несло могучее, хотя и нестройное «ММММООННЕУ!».

Гипноз подействовал...

На следующее утро обработкой гостей занялся некто Террел Джонс, «серое преосвященство» Гарнера, известный тем, что его IQ — Intelligence quotient, то есть коэффициент умственного развития, уступает только эйнштейновскому. «Интеллектуальная глыба» пыталась засорить аналитические умы анекдотами из жития Заячьей Губы. Но, видимо, за ночь гипноз выветрился из голов гарвардцев, и они попытались заставить Джонса «открыть бухгалтерские книги», как это было обещано им Гарнером. Посыпались вопросы об объеме продукции «Коскота», об его финансовой структуре, о размерах ежедневной выручки, об оборачиваемости оборотных средств, об опте и рознице, о кредитовании и прочей премудрости, которой обучают в гарвардской Школе бизнеса.

Мистер Джонс был неприятно удивлен столь неджентльменским поведением аналитических умов.

— Я не знаю фактов,— сказал он с обидой в голосе.

— А кто знает?

— Не знаю.

— Но нам обещали открыть бухгалтерские книги.

— Я вам о жизни, а вы о книгах.

— Но обещание...

— Я наивно полагал, что вас интересует бизнес, а вы, оказывается, приехали за фактами...

Коэффициент умственного развития мистера Джонса, уступающий только эйнштейновскому, начал закипать возмущением узколобостью аналитических умов, отказывавшихся видеть за чахлыми деревьями бухгалтерии буйный лес «позитивного отношения к жизни».

Вопрос о злополучных книгах был вновь поднят на заключительном банкете, устроенном Заячьей Губой в честь аналитических умов.

— Вы хотите фактов? Их нет у меня,— с обезоруживающей искренностью провозгласил Гарнер.— Я — гений, создавший империю, а управляют ею эксперты. Факты и цифры по их части. Если они секретничают, зна-

чит, так и надо. Им виднее. Но мне виднее иные, более далекие горизонты...

Отхлебнув глоток кока-колы, Гленн Тарнер (напоминаю — трезвенник) продолжал:

— Обычно человек работает до шестидесяти пяти лет и, выходя на пенсию, получает именные золотые часы. Мне сорок лет, на пенсию еще не собираюсь, а именные золотые часы уже имею.

Тарнер закатал левый рукав гранатового пиджака и продемонстрировал публике часы-браслет.

— А знаете, что выгравировано на их крышке? «Гленну В. Тарнеру, величайшему парню на земле, от Гленна В. Тарнера, величайшего парня на земле». В этом-то и весь фокус. А вам подавай факты.

«Величайший парень на земле» снял часы, и один из карликов — Грэг обошел с ними стол, демонстрируя надпись аналитическим умишкам и бухгалтерским душонкам из Гарварда.

После десерта в зале погас свет. Началась демонстрация фильма «Мистер Энтузиазм» — о вознесении Гленна Тарнера из грязи в князи. На экране крупным планом маячил «неудержимый». Он все время купался. В лучах славы, в водах Атлантики, в золоте. Между купаниями «неудержимый» носился как одержимый. На яхтах, самолетах, автомобилях. Яхты были прекрасные, автомобили — классные, самолеты — частные. Роскошь была в глаза увесистыми кулачищами Мухаммеда Али, швыряя зрителя на канаты зависти, алчности, стяжательства. И ужасно хотелось сметь быть великим, хотелось позитивно относиться к жизни своей и негативно — ко всем остальным.

Иногда «Мистер Энтузиазм», он же «неудержимый», он же Заячья Губа, не довольствуясь обычным крупным планом, заполнял экран целиком и, раздвигая его рамки, простирали руки в зрительный зал:

— О, как мне хочется исцелять вас от неверия в собственные силы простым прикосновением руки, как делает Орал Робертс*. Не разрешайте промывать себе мозги комплексом неполноценности! Слушайте меня! Следуйте

* Популярный в Штатах шарлатан, проповедник, «ясновидец» и «врачеватель».

за мной! Если я вам дам рыбу, вы будете сыты день. Если я научу вас ловить рыбу, вы будете сыты всю жизнь. Спасение в успехе. Успех в вере...

Крупные планы сменялись общими. Трюкач-оператор пропускал сквозь синеву остекленевших глаз Гленна Тарнера толпы беснующихся людей, жаждавших прикоснуться к целительным язвам парфюмерного Христа. Глазок кинокамеры фиксировал падения и столкновения, разбитые в кровь рожи, орущие: «ММММООННЕУ!» Так бьются о плотину косяки рыб...

Гленн Тарнер поехал в аэропорт провожать гарвардскую гоп-компанию. Красно-бело-голубой «Фэлкон фэн», заляпанный иконографией Заячьей Губы, распростер могучие крылья над цветником красивейших девушек Орландо. Вспыхнули прожектора, и к микрофону подошел сам.

— Настало время прощаться, — выдохнул он в чувствительную мембрану южнокаролинский прононс. — Многие из вас, конечно, убеждены, что я затеял всю эту поездку в целях рекламы и саморекламы. Хотите — верьте, хотите — нет, но у меня и в мыслях не было паблисити. Притащил я вас ради собственного удовольствия, чтобы показать и доказать эффективность бизнеса, который вы списываете со счетов как химеру. А химера-то процветает! Вот здесь, рядом со мной, стоит Клайд Кобб, президент международного филиала фирмы «Смей быть великим». Он — ученый-атомник. Я переманил его у правительства. Клайд разбил вдребезги свою электронно-вычислительную машину, когда она дала отрицательный ответ по поводу процветания моего дела. Клайд поверил в меня и оказался прав. Не так ли, Клайд?

Президент международного филиала фирмы «Смей быть великим» с готовностью закивал головой в знак согласия.

Началась церемония прощания. Аналитическим умам были преподнесены подарки: пластинки с записями афоризмов Тарнера «Самосовершенствованию нет предела» и туалетная бумага «Коскот». Так сказать, для души и тела. Кроме того, каждый гарвардец был удостоен поцелуя «мисс Орландо», дышавшей духами Заячьей Губы и туманами его философии.

На борту лайнера аналитические умы провели между

собой анкету. Первый вопрос гласил: «Этичен или неэтичен фундамент тарнеровского бизнеса?» Тридцать три человека ответили «неэтичен», трое — «этичен», остальные воздержались. Второй вопрос гласил: «Нравится ли вам Тарнер, доверяете ли вы ему?» Все сорок единодушно ответили: «Да». Наконец, аналитические умы пришли к выводу, что «природный интеллект Тарнера, что бы это ни значило, равен тренированному интеллекту профессора гарвардской Школы бизнеса, кем бы он ни был».

«Фэлкон фэн» алчно пожирал пространство. На его крыльях было изображение распятого парфюмерного Христа. Над Америкой разыгрывалась грандиозная комедия вознесения, которому не предшествовало положение во гроб...

Суд с ветерком

Последний день августа 1972 года выдался необычайно жарким. В Сэнфордском аэропорту было нечем дышать. Помощники шерифа округа Пайнллас, вконец раскисшие в ожидании обвиняемого, дули милуокское пиво и с тоской поглядывали на небо. Каждые полчаса звонили из Клеаруотера от участкового судьи Холли и осведомлялись: где обвиняемый? Помощники шерифа с тем же вопросом звонили в Орландо. Каждые пятнадцать минут. Из Орландо отвечали, что обвиняемый задерживается и вылетит, как только освободится от множества неотложных дел. Помощники шерифа чертыхались. Чертыхался судья Холли. Жара в Сэнфорде и Клеаруотере становилась нестерпимой. Ожидание тоже.

Обвиняемый прибыл уже под вечер. Его личный самолет подрулил прямо к аэровокзалу. Долгожданный гость был одет в костюм неоновой цвета. Из-под брюк торчали ковбойские сапоги, расшитые пестрым бисером. Лицо закрывала широкополая ковбойская шляпа.

— Ну что ж, поехали? — обратился он к помощникам шерифа.

— Поехали, — мрачно пробурчали помощники. Флоридское солнце выкачало из них милуокское пиво, и оно бурыми пятнами выступало на форменных рубашках полицейских, придавая им сходство с леопардами.

Обвиняемый сел в белый «кадиллак». В другом «кадиллаке», зеленого цвета, разместились его адвокаты. Помощники шерифа втиснули свои могучие тела в черный «крайслер», включили сирены и мигалки и как бешеные рванулись на «хайвей». Ехали с ветерком. Сто миль, отделявшие Клеаруотер от Сэнфордского аэропорта, были покрыты за час. В город ворвались на полном ходу. Затормозили лишь у здания суда.

Магистрат * Чарльз Р. Холли начал слушание дела, как только ковбойские сапоги обвиняемого переступили порог зала суда. Он кивнул в сторону прокурора штата Флорида Джеймса Рассела, приглашая его к барьеру. Прокурор тут же поднялся и принялся монотонным голосом зачитывать грехи, которые солнечный штат Флорида ставил в строку обвиняемому. Последний привлекался к ответственности по восьмидесяти шести статьям уголовного кодекса, нарушенным им 1327 раз. Поэтому чтение обвинительного акта заняло достаточно много времени. Магистрату было скучно. Подсудимому тоже. Магистрат рассматривал бумаги, подсудимый — бисер на своих ковбойских сапогах. Взвод адвокатов зарылся в тома необъятного дела.

Когда прокурор Рассел закончил чтение зауспокойной мессы, адвокаты от имени своего подзащитного заявили, что он не считает себя виновным ни по одной статье и ни по одному делу.

— Все это — вонючее дерьмо, которое пытается выпихнуть меня из бизнеса, — неожиданно вставил подсудимый, оторвавшись от созерцания пестрого бисера на ковбойских сапогах.

Адвокаты не успели предотвратить выпад подзащитного. Магистрат встrepенулся и приплюсовал к восьмидесяти шести статьям еще одну — за неуважение к суду. И тем не менее приговор прозвучал весьма гуманно: сто пятьдесят суток тюремного заключения, то есть менее чем двое суток за статью. Впрочем, преступник пробыл в тюрьме всего сорок пять минут — время, которое понадобилось его адвокатам для внесения и оформления залога в двадцать тысяч долларов.

* Судья.

Обратно, в Сэнфордский аэропорт, ехали с тем же ветерком и в том же порядке: преступник в белом «кадиллаке», адвокаты в зеленом. Вот только место черного полицейского «крайслера» в кортеже заняли серебристые автобусы, битком набитые представительницами прекрасного пола. Высунувшись из окон, они размахивали флагами и транспарантами, отороченными норковым мехом. «Свободу Гленну Тарнеру!», «Руки прочь от Заячьей Губы!» — было выведено на них ядовито-яркой помадой фирмы «Коскот».

Так закончилась первая и последняя попытка Фемиды удержать «неудержимого».

На следующий день он издал из своей орландской штаб-квартиры рескрипт-предупреждение: «Если меня не оставят в покое, я расчленю мою империю на пятьсот фирм. Федеральному правительству и властям штатов придется возбудить уголовные дела против каждой из них. Я парализую юридическую систему страны еще невиданным кровопусканием времени и денег. Я задушю ее путами волокиты».

Угроза, видимо, подействовала. От Тарнера отступились. А сам Гленн Заячья Губа продолжает неудержимо наступать широким фронтом...

* *
*

Главный герой мифологии американизма — разбогатевший бедняк, чистильщик сапог, ставший мультимиллионером, продавец газет, добравшийся до президентского кресла. Короче, селфмейдмен*. По своим «анкетным данным» Гленн Тарнер выкроен для самой верхотуры долларового Олимпа. Он великолепно сочетает — отчасти интуитивно, отчасти в результате холодного расчета — сентименты былого с ритмами настоящего. Недаром Заячью Губу называют «анахронизмом времен тентов Чаттануги» (эпоха освоения «дикого Запада»), приладившим реактивные моторы к своей телеге, которую раньше тащила пара мулов и с облучка которой он рекламировал свои товары, а когда прогорал — проповедовал слово божье. Любители психоанализа и сюрреализма

* В прямом переводе — человек, который сам себя создал.

рисуют Тарнера многоголовой гидрой и многоруким бонзой, вобравшим в себя черты евангелиста Билли Санди, железнодорожного магната Эндрю Карнеги, циркового антрепренера Бэрнама и фашиствующего расиста-популиста Хью Лонга.

И тем не менее новейшие издания жития американских святых предпочитают стыдливо замалчивать имя Тарнера. Хрестоматийный герой изымается из букварей свободного предпринимательства. Почему? Теософы американизма утверждают: деньги Заячьей Губы пахнут. Они не хлорированы респектабельностью. Между ним и теми, у кого он отбирает «баки», нет системы фильтров и шлюзов условностей. Так, мол, не поступали даже «бароны-разбойники» — два Джона-старших: Рокфеллер и Морган.

В этих утверждениях теософов американизма есть большая доля истины.

В самом деле, когда тебя грабят Рокфеллеры, ты говоришь: «Меня ободрал, как липку, «Чейз Манхэттен бэнк» или «Стандард ойл оф Нью-Джерси». Когда же тебя грабят «Коскот» или «Смей быть великим», ты возмущаешься: «Этот пройдоха Тарнер залез в мой карман». С первыми ты соприкасаешься через биржу, и если горишь, то не один, а, так сказать, в компании. Ты не сетуешь: «Меня обокрали», ты сокрушаешься: «Я обанкротился». Страдательное начало уступает место невезению, неумению и так далее. Тебе не на кого пенять, кроме как на самого себя.

Тарнер, наоборот, вопиющий антипод анонимности. Если Рокфеллеры и Морганы недоступны, как древнеегипетские жрецы, Тарнер, подобно Христу, дает каждому прикоснуться к своим язвам. Первые окружают себя межджерами, второй — «пророками». Первые завлекают вас «народным капитализмом», второй обещает сделать капиталистом лично вас.

И в этом неодолимая сила Заячьей Губы, его легендарная неудержимость. Сейчас в Соединенных Штатах более тридцати миллионов человек владеют акциями, а через пенсионные фонды, муниципальные консоли и прочие приводные финансовые ремни — еще шестьдесят миллионов. Но подавляющее большинство американских акционеров не являются капиталистами и не чувствуют

себя таковыми — ни элементарными, ни «народными». Если раньше владение акциями создавало иллюзию сопричастности к процветанию, то сейчас оно все чаще ведет к крушению подобных иллюзий. Приобретая акции, Рокфеллером не становишься, разочарованно констатирует человек с улицы. Конечно, нет, охотно поддакивает ему Гленн Тарнер. Но вот, приобретая пай в «Смей быть великим», ты уже вступаешь в землю обетованную. Деньги на бочке, а тем более бочка с деньгами — неопровержимый аргумент.

И вот наш хрестоматийный герой, изымаемый из букварей свободного предпринимательства, возвращается на их страницы, волоча за собой романтический шлейф эпохи «бури и натиска» первоначального накопления, его свинство, но одновременно и кабанью силу, воспетую и проклятую в эпопеях Бальзака и Золя.

Гленн Тарнер Заячья Губа лишь кажется карикатурой на капиталистическое общество. В действительности это автопортрет капитализма.

Содержание

ЯВЛЕНИЕ ТАРНЕРА НАРОДУ	3
КАРЬЕРА ЗАЯЧЬЕЙ ГУБЫ	7
СЕАНС МАССОВОГО ГИПНОЗА	18
ПРИГЛАШЕНИЕ В ОРЛАНДО	26
БИБЛИОТЕКА ЧЕРНОКНИЖНИКА	34
КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ	44
КОМЕДИЯ ВОЗНЕСЕНИЯ	51
СУД С ВЕТЕРКОМ	57

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

продолжает выпуск серии

«Владыки капиталистического мира»

В 1975—1976 гг. вышли следующие книги
этой серии:

Ю. Бандура

ИМПЕРИЯ «ТРЕХ БРИЛЛИАНТОВ»

Г. Дейниченко

МОЛЧАЛИВОЕ СЕМЕЙСТВО

Л. Колосов

МАФИЯ — КОНЦЕРН ПРЕСТУПНИКОВ

В. Цветов

ЧЕРНАЯ МАГИЯ МАЦУСИТЫ

Ю. Юданов

БАЗЕЛЬСКИЕ ФАРМАЦЕВТЫ

Мэлор Георгиевич Стуруа
ГЛЕНН ТАРНЕР ЗАЯЧЬЯ ГУБА

Заведующий редакцией *В. Т. Пискунов*
Редактор *Л. С. Боярская*
Младший редактор *О. В. Иванова*
Художник *Г. Ш. Басыров*
Художественный редактор *С. И. Сергеев*
Технический редактор *О. М. Семенова*

Сдано в набор 21 апреля 1976 г. Подписано в печать 7 июня 1976 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 3,36. Учетно-изд. л. 3,15. Тираж 200 тыс. экз. А00086. Заказ № 663. Цена 12 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.